

В. В. БАЗАНОВ

ПОЭЗИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИТЕРАТУРНОГО АРХИВА АЛЕКСАНДРА ПРОКОФЬЕВА

Одну из основных особенностей отечественной науки о фольклоре М. К. Азадовский видел в том, что она теснейшим образом связана с русской литературой и ее историей. Объясняется же эта связь «специфическим характером развития русской литературы и ее местом в умственной жизни страны» — тем, что в ней, «как ни в какой другой литературе мира, важнейшее место занимала проблема народа...».¹ Не случайно поэтому в «Истории русской фольклористики» большое внимание уделено фольклористической деятельности классиков нашей литературы, которые, начиная с Радищева и Пушкина, нередко выступали и как собиратели и публикаторы произведений устного народного творчества, и как теоретики фольклора, внося весомый вклад в разработку основных проблем теории и истории фольклористики.

Принимая эстафету от классиков русской литературы, большую и очень важную работу по сбору, изучению и популяризации произведений народного творчества продолжили советские писатели. К сожалению, об этой стороне их творческой деятельности мы имеем пока что крайне приблизительное представление, а в ряде случаев она и вовсе остается «за кадром», вне внимания исследователей, внимание которых более привлекают народно-поэтические традиции в творчестве советских писателей. Между тем освещение фольклористической деятельности писателей способствовало бы, вне всяких сомнений, более успешному раскрытию народно-поэтических традиций в их творчестве. Без обращения к этим вопросам, кроме того, невозможно и создание полноценной истории советской фольклористики.

¹ Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958, т. 1, с. 34.

Большой интерес в этом плане представляют материалы хорошо сохранившегося литературного архива одного из крупнейших советских поэтов, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий Александра Андреевича Прокофьева (1900—1971). Изучение их показывает, сколь многообразны и разносторонни были творческие связи поэта не только с самим народно-поэтическим творчеством, традициями которого так ярко воплотились в его произведениях, но и с фольклористикой. Поэт многие годы сам собирал фольклорные тексты, принимал активное участие в работе по подготовке к печати произведений народного творчества, оказывал большую помощь и поддержку местным фольклористам и краеведам, консультировал и рецензировал труды известных ученых-фольклористов, со многими из которых поддерживал теплые, дружеские отношения, переводил произведения фольклора братских народов СССР. Наконец, сохранившиеся письма к поэту от собратьев по перу, собирателей произведений народного творчества, ученых-фольклористов и просто читателей также в ряде случаев содержат немало ценных сведений по различным аспектам этой большой и очень важной темы.

Ни в какой мере не претендуя на исчерпывающее рассмотрение всех сохранившихся в архиве А. А. Прокофьева материалов, так или иначе связанных с фольклором и фольклористикой, мы остановимся здесь лишь на некоторых из них, имеющих непосредственное отношение к освещению фольклористической деятельности как самого Прокофьева, так и ряда других советских писателей.

1

Начав писать стихи еще в юношеском возрасте, в предреволюционные годы,² А. Прокофьев в силу различных причин смогнастоящему предстать перед читателями лишь в 1931 г., когда наконец-то вышли в свет его первые сборники стихов «Полдень», «Улица Красных Зорь» (сразу два издания), «Сотворение мира» и «Победа». Столь стремительное «вторжение» поэта в литературу, естественно, не осталось незамеченным. О его творчестве, открыто ориентированном на северный (прежде всего ладожский) русский фольклор, сразу же появилось немало статей, поэт необычайно быстро приобрел всесоюзную известность, а прекрасное знание фольклора, обнаруживавшееся буквально в каждом его произведении той поры, обратило внимание не только читателей и собратьев по перу, но и фольклористов. И когда всего через два года после выхода первого сборника поэта оргкомитет Союза советских писателей по инициативе А. М. Горького созвал

² Подробнее см.: *Базанов В. В.* Поэтическая юность Александра Прокофьева. (У истоков творческой биографии поэта). — Русская литература, 1979, № 4, с. 70—88.

первое всесоюзное совещание по фольклору (оно состоялось в Москве 15 декабря 1933 г.), то А. Прокофьев получил приглашение принять участие в работе совещания, на котором выступали такие известные ученые, как Ю. М. Соколов, М. К. Азадовский, М. А. Рыбникова, В. М. Жирмунский и др.³

Сам факт созыва этого представительного совещания,⁴ участником которого довелось быть А. Прокофьеву, свидетельствовал о тех благотворных изменениях, которые произошли к этому времени в понимании роли и значения народно-поэтического творчества для развития советской литературы и культуры в целом. Как известно, именно эти вопросы были в центре недавних острых дискуссий,⁵ положивших начало основательной критике вульгарно-социологических концепций народного творчества. Считая фольклор чуждым советской действительности, деятели РАППа и РАМПа,⁶ неистово боровшиеся за классовую «чистоту» пролетарской культуры, рассматривали его как наследие культурно отсталого, закоренелого в своем консерватизме крестьянства, высокомерно-пренебрежительное отношение к которому было воспринято от троцкистов, в наибольшей мере, как справедливо отмечает А. И. Метченко, стремившихся тогда «воздействовать на литературный процесс».⁷ Правда, и в начале 30-х годов мы порой сталкиваемся с нигилистической оценкой фольклора. Некоторые авторы все еще метали громы и молнии в связи с тем, что «пресловутая „народная“ (очень показательны эти кавычки! — В. Б.) поэзия» продолжает оказывать влияние на творчество советских писателей,⁸ и пытались при этом доказать, что, к примеру, «старокрестьянская частушка... враждебна по своей сути пролетарской литературе реконструктивного периода» и «может входить

³ Сохранился пригласительный билет А. Прокофьева на это совещание; см.: ИРЛИ, ф. 726 (А. А. Прокофьева), оп. 3, ед. хр. 63, л. 3.

⁴ О нем см.: *Соколов Ю.* Фольклор в эпоху социалистического строительства. К совещанию при оргкомитете Союза советских писателей. — Литературная газета, 1933, № 57, 11 декабря; *Соколов Ю., Ефремин А.* Совещание по фольклору при оргкомитете Союза советских писателей. — Правда, 1933, № 343, 14 декабря; На фольклорном совещании в Оргкомитете. — Литературная газета, 1933, № 58, 17 декабря; *Б. П.* Первое совещание по фольклору при оргкомитете ССП в Москве 15 декабря 1933 г. — Советское краеведение, 1934, № 1, с. 68—69; *А. Н.* Первое совещание писателей и фольклористов. — Советская этнография, 1934, № 1—2, с. 204—206 (см. также в кн.: Фольклор. Бюллетень фольклорной секции Института антропологии и этнографии АН СССР. Л., 1934, с. 16—18).

⁵ См. о них: Дискуссия о значении фольклора и фольклористики в реконструктивный период. — Литература и марксизм, 1931, № 5, с. 91—114; № 6, с. 105—123; *Астахова А.* Дискуссия о сущности и задачах фольклора в Ленинградском институте речевой культуры (ИРК) 11 июля 1931 г. — Советская этнография, 1931, № 3—4, с. 239—242; и др.

⁶ Российская ассоциация пролетарских музыкантов.

⁷ *Метченко А.* Кровное, завоеванное. Из истории советской литературы. М., 1971, с. 138.

⁸ *Бескин Осип.* Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика. Сб. статей. М., 1931, с. 24.

в произведения пролетарской литературы только как инородное тело». «Своим примитивом» она, дескать, неизбежно «конфликтует... со сложностью материала и идей» новой действительности,⁹ и вообще фольклор, являясь всего-навсего неким безжизненным «реликтом прошлого», достоин лишь беспощадного уничтожения (так утверждали, например, авторы сборника «Проблемы фольклористики (вып. 1, под ред. М. Винера, Харьков—Киев, 1932)). Однако все это уже не могло остановить той большой работы, характеризующей первые итоги которой М. К. Азадовский отмечал в конце 30-х годов, что фольклор наконец «решительно включился в общекультурное наследство, усвоение которого является одним из основных требований при построении социалистической культуры».¹⁰

В широко развернувшемся в 30-е годы «внедрении» фольклора в социалистическую культуру вообще и литературу в частности значительная роль принадлежала и Александру Прокофьеву, который, по авторитетному свидетельству Ю. М. Соколова, не только превосходно знал фольклорный материал и в совершенстве владел «секретами» поэтики частушки и народной песни, но и всем своим творчеством оказывал фольклористам существенную помощь в правильном решении сложного вопроса о взаимоотношении литературы и фольклора в условиях построения социалистической культуры. «Путь Прокофьева, — подчеркивал Ю. М. Соколов, — помогает осознать точнее и путь самой устной поэзии».¹¹

Тогда же, в 30-е годы, у Прокофьева установились и прочные деловые контакты с рядом научных учреждений по изучению фольклора, в работе которых он принимал участие на протяжении всей своей жизни. Мы еще очень мало знаем об этой стороне деятельности поэта и можем пока что судить о ней лишь по тем немногим материалам и документам, которые сохранились в его архиве.

Особое место среди них занимают письма к поэту. Так, например, из письма руководителя фольклорной группы Карельского научно-исследовательского института культуры А. Д. Соймонова от 4 декабря 1937 г. мы узнаем, что Прокофьев дважды рецензировал подготовленный сотрудниками института сборник беломорских сказок, и это свидетельствует о том, что его первая рецензия (текст ее в архиве поэта не сохранился) содержала, очевидно, серьезные критические замечания, которые заставили составителей не только основательно переработать подготовленный ими сборник, но и просить Прокофьева вторично отрецензировать уже переработанную рукопись книги. «Уважаемый

⁹ *Алгаузен Джек*. Дважды два — четыре. Письмо пролетарскому поэту Александру Жарову. — Литературная газета, 1931, № 56, 17 октября.

¹⁰ Советский фольклор, 1939, № 6, с. 8.

¹¹ *Соколов Юрий*. Александр Прокофьев и народная песня. — Литературный критик, 1936, № 1, с. 210.

Александр Андреевич, — читаем здесь, — Вы согласились вторично тщательно проверить рукопись первого тома сказок Беломорья (Коргуев). Ждем Вашей рецензии на книгу в ближайшие дни. Издание книги по решению Обкома ВКП(б) было назначено к 7 XI 1937 г., поэтому необходимо возможно скорее ее выпустить». ¹²

Сохранившиеся в архиве А. Прокофьева его внутренние рецензии на рукописи других сборников фольклорных произведений также свидетельствуют о том, что поэт отнюдь не ограничивался общей оценкой рецензируемой работы, но глубоко вникал во все ее детали, вплоть до чисто технических (оформление рукописи, принципы подачи примечаний к публикуемым текстам, неточности в цитатах и т. д.). Очень характерна в этом плане рецензия на рукопись подготовленного А. Нечаевым и Н. Рыбаковой сборника «Русские народные песни» — очень конкретный деловой разговор о содержании сборника в целом, о его композиции и составе. Предлагая снять ряд песен («Лес да лес густой», «Черные кудри по ветру трепались», «Все мы знаем милую Катюшу», «По Берлину ходит Гитлер», «Походный марш курских партизан», «Возле Орши роща небольшая», «Эх, Кубань, ты наша родина», «Лес зеленый, бор сосновый», «Ночь настала хмурая» и др.), поэт в то же время высказался за включение таких песен, как «Выйду ль я на реченьку», «Черная шаль», «Под вечер осенью ненастной», «Шумел, гремел пожар московский», «Казачья колыбельная», «В глубокой теснине Дарьяла», «Выхожу один я на дорогу», «Бородино», «Хуторок», «Нас побить, побить хотели», «Как у дуба старого», «Редко, друзья, нам встречаться приходится», «На рейде», «Далеко, далеко», «Моя любимая» и др. Дан и весьма тщательный анализ вступительной статьи и примечаний. ¹³

Участие А. Прокофьева в подготовке к печати новых трудов фольклористов не ограничивалось их внутренним рецензированием на завершающем этапе работы под рукописью. В ряде случаев поэт выступал одним из организаторов и руководителей таких изданий, являясь их ответственным редактором. Об этом свидетельствует, например, письмо А. С. Бушмина и М. О. Скрипицы от 30 июня 1955 г.: «Уважаемый Александр Андреевич! Дирекция Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР и Сектор народного творчества просят Вас взять на себя ответственную редактуру сборника „Пословицы и поговорки русского народа“, тем более что Вами вместе с составителями сборника уже проделана основная редакторская работа». ¹⁴

¹² ИРЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 937. Речь идет о двухтомнике «Сказки Карельского Беломорья» (Петрозаводск, 1939), вышедшем под общей редакцией М. К. Азадовского, Б. А. Ларина, И. И. Мещанинова, А. А. Прокофьева и А. П. Чапыгина.

¹³ Там же, оп. 1, ед. хр. 310, л. 1—6.

¹⁴ Там же, оп. 2, ед. хр. 476, л. 2.

Речь шла о подготовленном коллективом ученых (В. П. Адрианова-Перетц, Н. П. Колпакова, М. Я. Мельц и Г. Г. Шаповалова) сборнике «Избранные пословицы и поговорки русского народа» (он был издан в 1957 г. под редакцией А. А. Прокофьева). Как о том свидетельствует приведенное выше письмо руководства Пушкинского Дома, авторский коллектив создавал эту работу в непосредственном контакте с поэтом.

Столь же охотно откликался Прокофьев и на другие аналогичные просьбы. Еще в середине 30-х годов он выступил в качестве редактора составленного Василием Князевым сборника «Избранные частушки Северного края» (Л., 1936), а в послевоенные годы под его редакцией вышли сборники «Русская частушка» (Л., 1950; сост. Виктор Боков), «Лирические народные песни» (Л., 1955; сост. Е. А. Лопырева) и ряд других изданий.

Тесные деловые контакты Прокофьева с учеными-фольклористами способствовали установлению дружеских отношений между ними и поэтом. Они искренно радовались его успехам («Сердечно поздравляю <с> давно заслуженным авторитетнейшим признанием Вашего значения <в> советской поэзии», — телеграфировал 30 января 1946 г. М. К. Азадовский, узнав о присуждении Прокофьеву Государственной премии СССР)¹⁵ и столь же искренне делились с ним своими радостями. «Дорогой Александр Андреевич, — писала ему, например, Н. П. Колпакова, — несколько раз пыталась повидать Вас, но все не заставала. Оставляю Вам эту маленькую фольклорную штучку. Сейчас у меня в разных издательствах шесть книг по фольклору — уже в производстве <...> Одним словом — да здравствует фольклор! Вы согласны? Шлю сердечный привет. Ваша Н. Колпакова».¹⁶ «Примите, пожалуйста, скромный подарок — небольшой сборничек народных песен, составленный мною. Зная Вашу любовь к народной поэзии и понимание ее, очень дорожу Вашим мнением, насколько удачна книга»,¹⁷ — читаем в письме В. Е. Гусева.

Поэта о помощи и поддержке нередко просили не только исследователи, но и краеведы, собиратели фольклорных текстов и молодые писатели, обращавшиеся к освоению народного творчества. «Вы единственный нам известный современный поэт, который глубоко понимает, любит и ценит русский фольклор и претворяет его в своем творчестве. Нам было бы очень ценно узнать Ваше мнение о новых записях от Крюковой... Очень просим Вас, как Вы ни заняты, уделить некоторое внимание нашей работе, помочь нам советом, указанием на желательные темы, в которых можно было бы использовать все творческие возможности Крюковой, ее торжественную сказочность»,¹⁸ — писали поэту из Архангельска А. Морозов и Э. Бородина-Морозова

¹⁵ Там же, оп. 3, ед. хр. 81, л. 1.

¹⁶ Там же, оп. 2, ед. хр. 530.

¹⁷ Там же, ед. хр. 314.

¹⁸ Там же, ед. хр. 711, л. 1.

23 июня 1943 г. «Я заканчиваю большую статью „Крестьянские свадьбы в Сибири“. Как поэт-песенник Вы, конечно, прекрасно знаете фольклор, свадебные обычаи и т. д. Поэтому хотелось, чтобы Вы просмотрели эту статью, а затем, если она достойна того, посоветовали бы, куда ее отослать (кому еще показать и т. д.). Мой единственный помощник и советник проф. М. К. Азадовский болен, а больше я совершенно никого не знаю. Не знаете ли Вы старейшего фольклориста В. М. Сидельникова, как его имя, отчество и куда к нему писать? К кому мне еще можно обратиться?»,¹⁹ — спрашивал Прокофьева сельский учитель из Омской области И. С. Коровкин в письме от 10 августа 1945 г., много, кстати, внимания уделявший сбору сибирского фольклора и в последующие годы выпустивший интересный сборник «Сибирские частушки» (Омск, 1959). «Я никогда никого не обременял просьбами, но теперь очень прошу Вас перелистать эту работу. Тема о северной деревне не покажется Вам ненужной, в повести много фольклора и быта. Опасаюсь, что членам редакции, если они из числа горожан, все это может показаться ничемным»,²⁰ — писал в январе 1946 г. молодой писатель Александр Линеvский, желая, чтобы поэт — член редколлегии журнала «Звезда» — ознакомился с его повестью «Хищники», посвященной Беломорью 10-х годов нашего века.

Как к члену редколлегии «Звезды» обращался к Прокофьеву и А. Н. Нечаев, известный фольклорист и писатель (большая работа его по обработке и изданию русских народных сказок для детей получила высокую оценку ряда крупнейших советских писателей). «Дорогой Александр Андреевич! — читаем в его письме от 17 августа 1947 г. — одновременно с этим письмом посылаю рукопись для „Звезды“. В ней, в этой статье, собрана вся боль в один крик за попорченную народную поэзию, за наше народное искусство, значения которого для нашей культуры многие, очень многие, к сожалению, не понимают. Хорошо, если бы ты нашел 10—20 минут поглядеть мой опус, тебе я верю в этом смысле больше всего. Здесь она получила одобрение (мне даже заказали статью для „Правды“, не знаю, справлюсь ли?), но, памятуя разговор с тобой и договоренность с Друзиным,²¹ статью направляю в Ленинград. Пора поговорить по душам <...>

Если бы Вас это заинтересовало, я готов осенью, через месяц-два приехать для разговоров в Ленинград (о принципах популя-

¹⁹ Там же, ед. хр. 552, л. 5—5 об. П. Л. Драверт писал М. К. Азадовскому 3 декабря 1942 г.: «Большое спасибо Вам за помощь советами и указаниями молодому писателю И. С. Коровкину. Ваше письмо весьма ободрило его. Он живет в глуши, но много работает над собой, хотя ему было бы лучше для этого перебраться в какой-нибудь большой город» (см.: Письма ученых-сибиреведов и писателей М. К. Азадовскому. — В кн.: Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1969, т. 1, с. 236).

²⁰ ИРЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 623.

²¹ Друзин Валерий Павлович — в то время главный редактор журнала «Звезда».

ризации, об издании хороших книг по народной поэзии) «...» Вы ведь затеваете большое издание избранных русских сказок. Интересно было бы обсудить, как это будет выглядеть, не повторить бы прежних недостатков в этом издании.²² Могу прочесть 2—3 доклада в этом плане. Словом, есть о чем поговорить», — заключал А. Н. Нечаев, сообщая при этом, что его «опыты работы по продолжению издания народных сказок для детей (начатые Толстым)²³ получили очень высокую и лестную для меня оценку М. А. Шолохова».²⁴

Уже и по этим немногим материалам видно, сколь дороги и необходимы были исследователям самых разных фольклорных жанров авторитетное мнение и совет А. Прокофьева. Разумеется, он не был ученым-фольклористом в строгом смысле слова и, кстати, сам никогда не переоценивал свои познания в этой области. Но он был тонким ценителем и превосходным знатоком народного творчества русского севера и щедро делился своими знаниями и опытом с профессиональными учеными-фольклористами, которые видели в нем не только ценителя, но и авторитетного, хорошо ориентирующегося в материале специалиста, всегда готового оказать посильную помощь и словом и делом.

2

Обращаясь в своем творчестве к фольклорным произведениям самых разных жанров, А. Прокофьев был особенно неравнодушен к русской частушке, горячую любовь к которой он пронес через всю жизнь, нередко и сам создавая тексты частушек, своеобраз-

²² В другом письме (от 14 января 1948 г.) А. Н. Нечаев пишет в этой же связи: «... как стало здесь (в Москве, — В. Б.) известно, в Ленинграде (в Гослите) затевается трехтомник русских народных сказок. Дело это хорошее и нужное, и хорошо бы по поводу этого издания поговорить, чтобы не повторять старых ошибок при создании такого типа книг. У нас тут ведь давно уже ведется большая работа по созданию пятитомника избранных русских сказок (и по изданию 60 книг сказок народов СССР) под редакцией М. А. Шолохова. Работаем мы (Пришвин, Платонов и я) уже давно, кое-что сделали и, говорят, хорошо. Можно было бы и поделиться опытом» (ИРЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 736, л. 4—5). Издание трехтомника сказок не состоялось, не было осуществлено и широко задуманное издание сказок в Москве; под редакцией М. А. Шолохова вышли только сборники «Волшебное кольцо. Русские сказки. Пересказал А. Платонов» (М.; Л., 1950) и «Иван меньшею — разумом большою. Русские сказки. Пересказал А. Нечаев» (М.; Л., 1951), переиздававшиеся и впоследствии. В обработке А. Нечаева в то время вышел также сборник «Чудесные ягоды. Русские народные сказки» (М.; Л., 1951); за три года до этого был издан составленный А. Нечаевым и П. Богатыревым сборник «Летучий корабль. Славянские сказки» (М.; Л., 1948), а несколько позднее увидел свет подготовленный А. Нечаевым совместно с Н. Рыбаковой обширный сборник «Русские народные сказки» (М., 1952).

²³ Имеется в виду книга: Русские народные сказки. Под редакцией и в обработке А. Толстого. М.; Л., т. 1, 1941.

²⁴ ИРЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 736, л. 1—2 об. Статья А. Н. Нечаева в «Звезде» не публиковалась, отзыв Прокофьева о ней неизвестен.

ных частушечных циклов, причем наиболее ранние его опыты относятся еще к юношеским годам поэта.²⁵ Очевидно, тогда же, в пору своей юности, начал А. Прокофьев и собирать фольклорные тексты, записывая прежде всего ладожские частушки и песни («записал их множество, — свидетельствует дочь поэта, — но собрание его записей обнаружить пока не удалось»)²⁶ Впоследствии активно помогали ему друзья и знакомые, знавшие о любви поэта к народной поэзии. «Дорогой Александр Андреевич, — писал ему, например, Всеволод Азаров 6 января 1936 г. — Я обещал комсомольцам Пушкинских гор достать твои песни и частушки. Прошу тебя срочно прислать все стихи, которые можно петь на имеющиеся мотивы (без переложения на музыку). В обмен ты получишь записи здешних частушек, многие из которых интересны».²⁷

Много было получено поэтом путем такого рода обменов. Некоторые собиратели сами передавали ему свои записи. В архиве Прокофьева сохранилось несколько больших подборок таких записей новгородских, псковских, карельских и других частушек 1920—1930-х годов (их общий объем — около 25—30 печатных листов), которые составляют ныне особый фонд в фольклорном собрании Пушкинского Дома.²⁸ Щедро делились с поэтом и его читатели, иные из которых располагали обширными собраниями фольклорных текстов.

Некоторые же читатели и просто порой предлагали Прокофьеву совместно подготовить сборник частушек на основе имеющихся у них и у поэта материалов.

Подобное предложение находим, например, в письмах преподавателя литературы в лодейнопольском педагогическом техникуме Н. Е. Дордина, который очень высоко ценил произведения Прокофьева («из современных поэтов, — писал он в январе 1937 г. в своем первом письме поэту, — я больше всего люблю стихи Маяковского и Ваши стихи»)²⁹ и не только энергично оспаривал мнение ряда критиков, упрекавших поэта за его пристрастие к фольклору, но и настойчиво призывал Прокофьева к еще более активному использованию в своем творчестве фольклорного материала: «Я несколько месяцев работаю со студентами над собиранием северных частушек. Через мои руки их прошло около 3 500 <...>

Вы прекрасно знаете северный фольклор, и это громадная Ваша заслуга. Фольклор обладает способностью взаимной любви. Фольклор умеет благодарить. И потому велики имена Пушкина, Некрасова, Гоголя. Русский фольклор, создавая „традиционные“

²⁵ Их находим уже в самодельной тетради 1916 г., включающей стихи 15—16-летнего Прокофьева (см.: ИРЛИ, ф. 726, оп. 1, ед. хр. 1).

²⁶ *Михайлова Нинель*. Ранние стихи. — Нева, 1977, № 12, с. 198.

²⁷ ИРЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 56.

²⁸ См.: ИРЛИ, разряд V, кол. 265, папка 1, ед. хр. 1—7.

²⁹ Там же, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 345, л. 1.

(Гутнер) образы леших, русалок, Иванов-дурачков, тоскующих невест и т. д., давал произведения, равные по своей художественной силе лишь прославленным древнегреческим мифам. А „Одиссея“ и „Илиада“ Гомера, трагедии Эсхила, Софокла, Еврипида, построенные на материале мифов, являются замечательнейшими произведениями мировой литературы.

И вот здесь я перехожу к значительному недостатку Вашего творчества, который, на мой взгляд, заключается в отсутствии крупного, синтезирующего произведения по сюжету, взятому из фольклора.

Некрасова прославил поэма „Кому на Руси жить хорошо“. Она фольклорна с ног до головы. У Вас есть свой огород, и Вы в нем полный хозяин. Это хорошо <...>

Вам необходимо дать большую поэму, которая должна стать у Вас генеральным произведением. Тогда все мелкие стихи расположатся вокруг нее, как хвост кометы вокруг ее ядра, и тогда они по-настоящему и надолго войдут в литературу.

Вы не обижайтесь за мой „учительский“ тон, я ведь по специальности учитель. Мною руководит одно желание — как можно скорее прочесть большую вещь Прокофьева, которая заставит изумиться всех досужих и недосужих критиков». ³⁰

К этой заветной для него мысли Н. Е. Дордин неоднократно возвращался и в других письмах. «Будьте верны себе, т. Прокофьев, и поэзия будет верна Вам <...> И никак нельзя поставить Вам в вину то, что Вы, используя народные песенные традиции (без кавычек традиции, — это слово серьезное и умное), даете песни, стоящие гораздо выше тех, которые поют. Но, повторяю, если Вы напишете большую вещь, тогда у Вас будет такой общий знаменатель, на который разделится любая дробь без остатка» (26 января 1937 г.); «То, что собрано Вами в „Прямых стихах“, — это яркие осколки песни. Но Вы должны написать саму песню. Песня Вас ждет. Тем много. Они есть у Вас. Я представил себе и такое: Вы берете половину всех своих стихов, прессуете, заполняете щели — и получилась бы замечательная поэма... Когда Вы думаете засесть за поэму и что Вы о ней думаете?» (4 марта 1937 г.); «Советую Вам, прошу Вас взяться за что-нибудь одно, большое, цельное, законченное. Напишите поэму „Кому на Руси жить плохо?“ Первую часть или вступление сделайте к 20-й годовщине Октября. Написать подобную поэму — не значит вывернуть Некрасова наизнанку... Здесь и своеобразный ритм необходимо изобрести, и строфу, и общую систему образов. И общим содержанием показать, кому жить плохо: кулаку, вредителю, диверсанту и пр. Пишите обо всех классах, группах, профессиях. Писатели, инженеры, ученые, колхозники. Географически расширьте (у Некрасова — Костромская да Ярославская губерния), а Вы дайте и хрустальные вер-

³⁰ Там же, л. 2—3.

шины Кавказа, и буйные кубанские степи, и олонекские леса, и ширь советских морей. И все это пусть будет пропитано фольклором, песней, сказкой, былинной, пословицей, поговоркой, рассказом о вождях партии и правительства» (13 мая 1937 г.).³¹

Столь же активно предлагал Н. Е. Дордин поэту подготовить совместный сборник частушек Ленинградской области, которые он собирал долгое время. «И еще одно у меня есть предложение, — читаем в его письме от 13 мая 1937 г. — Не сможем ли мы с Вами „организовать“ сборник частушек и песен нашей области. У меня их накопилось масса, издательство облоно взялось было энергично за переговоры по изданию, посулило „златые горы“, но труба существует и на то, чтобы в нее хорошие вещи иногда с дымом улетали».³² Через полтора месяца, 30 июня, он вновь возвращается к этому вопросу: «В этом письме мне хочется повторить предложение, которое я сделал в прошлом: что, если бы мы с Вами выпустили большой сборник Ленинградского фольклора. Материалов у меня есть порядочное количество, у Вас, чую, тоже поднакопилось кое-что, с этого начнем».³³

Судя по последующим письмам, в конце августа 1937 г. Н. Е. Дордин встречался с поэтом, и во время этой встречи, вероятно, речь также шла о возможности подготовки сборника частушек Ленинградской области. К сожалению, однако, вскоре переписка лодейнопольского учителя с Прокофьевым оборвалась (его последнее письмо поэту датировано 23 сентября 1937 г.), и замысел остался неосуществленным. Неясна также судьба фольклорного собрания Н. Е. Дордина и писем к нему Прокофьева, который, впрочем, едва ли мог принять предложение, ибо в это время уже готовил к печати тексты наиболее интересных частушек, имевшихся в его собрании. Еще 5 ноября 1936 г. ленинградское отделение издательства «Художественная литература» заключило с Прокофьевым договор на подготовку сборника частушек, который предполагалось выпустить 10-тысячным тиражом (издание это, однако, не состоялось; в архиве поэта сохранился только авторский экземпляр договора).³⁴

Дальнейшие архивные разыскания, возможно, позволят обнаружить следы этого сборника, самый замысел которого свидетельствует о том, что уже к середине 30-х годов Прокофьев располагал достаточно обширным собранием частушек. Собрание это (об объеме его судить пока что трудно, ибо записи самого поэта еще не обнаружены) постоянно пополнялось и в дальнейшем. Даже в годы Великой Отечественной войны друзья и знакомые поэта

³¹ Там же, л. 5, 7—7 об., 8 об.—9.

³² Там же, л. 9 об.

³³ Там же, л. 11.

³⁴ Там же, оп. 3, ед. хр. 18, л. 7.

не забывали присылать ему тексты частушек;³⁵ немало нового и интересного было получено Прокофьевым и в послевоенные годы. Около трехсот частушек прислал ему, например, в марте 1961 г. один из читателей, Ю. К. Константинов, по инициативе которого они были записаны от жителей Боровичского района Новгородской области. «Хотя и был я болен и временами просто было мне кисло, — писал он поэту, — я их все пропел. . . а будь я мастак ловчее и крепче на ногах, то и сплясал бы их».³⁶ Присланные Ю. К. Константиновым тексты далеко не равноценны, в них встречаются уже широко известные, публиковавшиеся ранее частушки, тем не менее в целом эти записи представляют несомненный интерес и, вероятно, наряду с частушками, присланными поэту другими его читателями, еще привлекут внимание исследователей.

Переписка А. Прокофьева очень обширна (в его архиве хранится свыше 3 200 писем к нему), и дать здесь представление обо всех письмах, так или иначе относящихся к теме данной работы, не представляется возможным. Поэтому остановлюсь лишь на одном из наиболее интересных и примечательных материалов этой переписки — на письмах к Прокофьеву известного советского поэта и фольклориста Виктора Федоровича Бокова, который любезно разрешил опубликовать некоторые их фрагменты, имеющие непосредственное отношение к теме этой работы.

3

Начало этой переписки относится к 1948 г., когда В. Боков написал Прокофьеву первое письмо, являвшееся, по его собственному определению, «следствием многолетних восхищений вашими стихами и попытками как-то осмыслить их исторически и историко-литературно».³⁷ Признаваясь, что творчество поэта «уже лет 15» радует его, автор письма, имя которого в ту пору еще мало о чем могло говорить Прокофьеву, подчеркивал: «Секрет постоянности любви простой: своими песенными корнями вы сидите в народной почве, а эта почва, русская почва, держит и меня и питает мою душу своими силами» (л. 1).

«После Есенина я считаю вас первым по силе и экспрессии песенного дара, по разинской буйности стиха» (л. 1), — отмечал В. Боков далее, подробно останавливаясь на своем понимании

³⁵ Так, например, частушки находим в письме Б. А. Бялика от 8 января 1945 г. (там же, оп. 2, ед. хр. 172, л. 4—4 об.) и в недатированном письме 1943—1944 гг. старшего лейтенанта В. С. Калачева (там же, ед. хр. 489); П. В. Жур подарил поэту блокнот со своими записями частушек и других фольклорных текстов, сделанными им на фронте 4—29 января 1943 г. (там же, оп. 4, ед. хр. 26).

³⁶ Там же, оп. 2, ед. хр. 545, л. 1.

³⁷ ИРЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 140, л. 17. Далее все ссылки на эти письма даются непосредственно в тексте с указанием лишь номера листа.

С. Есенина и его творчества (лл. 1—6), которое существенно расходилось с тем, что писалось тогда об этом поэте в критике. «Почему я так много пишу о Есенине?» — спрашивал он после этого и так отвечал на свой вопрос. — «Потому что рядом с ним в моем сердце — Вы. Народный, крестьянский, буйный, озорной, упрямый, нежный, солнечный» (л. 5).

Интересны содержащиеся здесь замечания и соображения В. Бокова об истоках песенной традиции Прокофьева и о некоторых других особенностях его творчества. Вновь возвращаясь к мысли о «разинской буйности» стиха поэта, он писал: «Вы и сами — Разин. Разин в песне, иначе вам не суметь, потому что песенная ваша традиция идет от озорных ладожан, от ушкуйников, бежавших в северные леса в протест помещику, социальным несправедливостям, потому что вы поете, как народ:

Пиргала, Митала, Гавсарь, Выстав...
...Тырли-бутырли — дуй тебя горой!⁸⁸

За источником ходить недалеко, его знает каждый деревенский парень:

Ты ль меня, я ль тебя иссушила,
Ты ль меня, я ль тебя извела,
Ты ль меня, я ль тебя из кувшина,
Ты ль меня, я ль тебя из ведра.

Замечаете ли вы еще одну особенность в своем творчестве? Я говорю о рифме, этом цементе стиха. Рифмы ваши точны, свежи, оригинальны. Одной из особенностей ваших рифм является опять-таки народная традиция рифмовать слово не по звучанию ударного слога — окончания, а рифмовать целые слова и даже группы слов, например:

По ягоду, по клюкву,
По мелкую, по крупну.

Или покойник, или полковник.

Взял бы шубу, боюсь шуму.

Пóмер, такой ему и пóминн.

(Пословицы)

Мою голову раскрытую
Остудит ветерок,
За измену тебя, миленький,
Осудит весь народ.

(Частушка)

Дуся курит цыгарочку,
Меня любит, цыганочку.

(Воронежская)

⁸⁸ Строки из стихотворения Прокофьева «Мой братенник».

Сыграй, милый, в разлив, в разлив,
Мое сердце в разрыв, в разрыв.

(Рязанская)

Как я вспомню об нем, об нем,
Мое сердце огнем, огнем.

(Рязанская)

Принцип рифмовки ясен: слово как бы накладывается на слово с равной протяженности, в абсолютном созвучии. Вот подобные народные рифмы из ваших стихов: «Выстав — выстань», «полет — поет», «песня — чечня», «рекам — рукам», «игру — икру», «сена — села», «рыба сиг — рыпайси», «линии — лилии», «снова — слова», «лесист — лисиц», «Мсты — мосты», «гор- линка — форменка», «ломжи — ромжи», «погода — полгода», «строю — свою», «жесть — поджечь», «дорогим — другим», «ут- варь — утром», «причин — помолчим», «ножны — нужны», «при- стукнет — престуник», «полотна — поротно», «не зри — ноздри», «черный — нареченный», «шаткой — шапкой», «дуг — дуб», «плотничек — работничать», «осень — Осип», «парила — перила», «граждане — не ждали», «радею — неделю», «соловья — сы- новья», «плечами — печами», «волка — размолвка», «плакала — клапаном», «охнула — окнами», «косынки — посылки», «лавке — лапте», «думу — дубу», «об руку — облако», «долгоносик — но- сит», «суму — чуму», «перегуд — берегут», «пожалуй — ржавой», «выбор — Выборг», «горная — гордая», «корабельная — колы- бельная», «костей — гостей», «война — вольна», «землей — за- рей», «отголосила — осина», «верным — вербам» и т. д.

Следуя народной форме, Вы хорошо чувствуете и народное мироощущение, по народному решаете темы. Так, тема смерти питается народным отношением к ней. Оно видно хотя бы из загадки:

Заехал в ухаб,
Не выеду никак (могила).

Тут нет пессимизма и надрыва, здесь налицо юмор, усмешка. Это народно-крестьянское мировоззрение и ощущение смерти как необходимости, как акта обновления и утверждения жизни, очень ярко чувствуется у вас в стихах «Василий Орлов», «Горят в не- бесах золотые ометы», «Как радостно сердцу — ты в нем загости- лась». В последнем неотвязно преследуют меня восемь строк:

Но явится день, чтобы ты загрузила,
Мне молния в душу блеснет!
Умру я, а солнце, что в сердце гостило,
На дальние клены вспорхнет.

Они только дрогнут зеленой листвою,
А там, где закаты горят,
Над быстрой водою, над горькой травой
Еще веселей зашумят...

По истинной глубине и прозрению я не знаю ничего подобного. Какой это праздник поэзии — такие слова! Тут скрыты и пушкинские «Здравствуй, племя», и его же «Равнодушная природа», но не с раздумьем рассудка, а самим чувством, сердцем наполнены эти стихи <...> Они, пожалуй, стоят ближе к формуле Гете — «Вперед — по ту сторону могил!». Эти слова Гете, по признанию Флобера, были стимулом жизни в последние годы его работы на земле, были оправдательным и бодрствующим девизом. Когда я читаю эти стихи кому-либо и вижу равнодушные или деланный восторг, — я сразу заключаю степень духовной и поэтической одаренности и восприимчивости испытуемого интеллекта. А что, как не формулу Гете, выражают ваши стихи:

А рухну, как дед мой, царапая землю,
На полном и быстром бегу.³⁹

Ваш герой Василий Орлов желает, чтобы его похороны превратились в праздник, а не погребальный вой. Это утверждение жизни в смерти рассыпано у вас и в других стихах, например:

Шли стрелки в траве, в цветах по шею,
По приклад в крови.⁴⁰

В этих стихах есть какая-то жестокая красота и торжество жизни: ведь крови-то (смерти) по приклад, а цветов-то (жизни) по шею, т. е. жизни больше, чем смертей. Это биологически и социально так.

Утверждение жизни через необходимость смерти в широком, эпическом звучании вы можете встретить в составленной и художественно переведенной мною книге «Карело-финские эпические песни», издание Карело-Финского Научно-исследовательского института культуры, Петрозаводск, 1941 г.

Книга представляет собой подлинные народные песни (руны) в отличие от песен «Калевалы» Элиаса Ленрота,⁴¹ где много литературной романтизации и других напластований. Идея — дать то, что поет народ, и так, как он, руководила мной в этой работе. Так вот, там есть (в «Калевале» — нет) песня, начинающаяся словами «Смерть жила-была на свете»; в рамках жизни целого народа показано утверждение жизни за счет освобождения того, что ей мешает. Это самая глубокая песня «Калевалы». Я бы очень хотел, чтобы вы эту песню прочитали, тем более что книга, возможно, у вас имеется.

Тема утверждения жизни через гибель проходит от начала до конца в «Хаджи-Мурате» Л. Толстого с параллелью — татар-

³⁹ Из стихотворения «Горят в небесах золотые ометы...».

⁴⁰ Из стихотворения «На гвардейский корпус пал наш выбор...».

⁴¹ Ленрот Элиас (1802—1884) — финский фольклорист; собирая и обрабатывая народные эпические и лирические руны, создал карело-финский эпос «Калевала» (1835—1849).

ник во вступлении, измятый, но живущий, Хаджи-Мурат на протяжении всей повести» (л. 6—11).

Не менее интересны замечания В. Бокова о пейзажной лирике поэта, его «жизнеутверждающем ощущении природы». Имея в виду такие стихи, как «Ты по сердцу мне, русская природа...», «Как хорош новый мачтовый лес...», «Нынче удались цветы повсюду...», «Как повелось покою веков, издревле...», он писал: «В этих изумительных созданиях природа почувствована русским человеком с силой „Слова о полку Игореве“, Вы как бы реставрировали своей кистью ее древний, могучий лик, приблизили эту природу к ее древней пейзажной мощи, когда в непроходимых лесах и пущах Руси и соловьи-то свистели не так, как теперь, а могуче, по-разбойничьи, отсюда метафора древнего названия „соловей-разбойник“. Ваша послевоенная лирика природы служит той же цели, что и лирика природы в „Слове“ — объединению всей русской земли „в союз нерушимый“ и объединение преклонением в любви хотя бы к нашему символическому дереву — березке. Это тоже патриотизм» (л. 13).

Находим в этом письме и ряд замечаний о частушке, которой в дальнейшем было суждено стать одной из основных тем переписки Бокова и Прокофьева: «Очень интересует меня ваша работа по созданию уличной записки. Это прямой творческий ответ на слова:

Какие песни мы сложили,
И что на улицах поют?⁴²

Я сам в течение многих лет преклоняюсь перед частушкой и много знаю их и сам тоже брался сочинять, и многие уже поются на улице. Но это особый и большой разговор. Ваши записки я подверг тщательному анализу согласно тех объективных критериев, которые изложены мною в моей большой статье „О народной частушке, ее издателях и фальсификаторах“, напечатана в журнале „Литературный критик“, № 8—9 за 1939 г. По этой линии я давно работаю во Всесоюзном доме народного творчества и мечтаю о том, что Вы тоже откликнетесь на задачу Дома в создании новой советской частушки, такой частушки, которая пелась бы на улице, как народная. Это очень трудная задача и Вы близко подошли к ее решению» (л. 14—15).

«Дорогой Александр, — заключал В. Боков свое обширное послание поэту, — мне хотелось бы много, много говорить с Вами, подружиться навечно. Несколько слов о себе. Родился в 1914 г. в деревне под Троице-Сергиевом (Загорск). 14 лет встретился с писателем Мих. Пришвиным, который был первым моим учителем и остался им по все время. В 1938 г. окончил Литературный институт Союза писателей в Москве. С 1935 г. и по сей день собираю и исследую устное народное творчество — это

⁴² Из стихотворения «Перед своей Страной Советов...».

источник моей радости и творчества. Собираю это не так, как фольклористы (объем и заработок), собираю по крупицам, удивляясь. Имею ряд исследований по этому вопросу — „Поэтический мир загадки“, „Воронежские песни и сказки“, „Сравнения русской разговорной речи“ и др.⁴³

Лет десять уже сознательно работаю над стихом (лирика). Ничего не печатаю,⁴⁴ может быть потому, что еще не встретил своего Державина» (л. 15).

«Мне очень хочется, — подчеркнул Виктор Боков, — подружиться с Вами и показать Вам мои стихи, которых накопилось довольно. Если это все, что посылаю, заденет Вас за живое, надеюсь, Вы мне напишете, и я буду тогда думать о встрече» (л. 17). И действительно, такое письмо не могло не «задеть»; Прокофьев сразу же ответил на него, а вскоре, в августе 1949 г. встретился и с его автором, в котором увидел прежде всего прекрасного знатока столь милой ему русской частушки. Неудивительно поэтому, что он с сочувствием отнесся к желанию В. Бокова подготовить сборник русских частушек и как член редколлегии «Библиотеки поэта» предложил издать такой сборник в этой серии.

Такой сборник вышел в свет в малой серии «Библиотеки поэта» в 1950 г., и письма В. Бокова к поэту позволяют детально проследить историю его создания.

«Не забыли ли Вы о книге частушек? — спрашивал он Прокофьева 11 сентября 1949 г. — Я уже готовлю ее и к Вам просьба: не смогли бы послать свои записи? Я бы их вернул» (л. 34 об.). Через месяц, 14 октября он вновь писал: «Теперь о сборнике „Избранные частушки“. Вскоре после Вашего уезда я получил письмо от зав. редакцией „Библиотеки поэта“ Терентьева, где мне он предлагал „выслать тексты“. Я удивился неосведомленности человека. Сейчас же ответил с мыслью: разве о текстах идет речь? Текстов много, а хороших сборников нет ни одного. Речь-то ведь шла о избранном, лучшем за все 100 лет жизни частушки. Сделать это может не фольклорист, а поэт, близко

⁴³ В. Боков не называет здесь ряд других своих работ — статью «Фольклорные экспедиции учащихся» («Литература в школе», 1940, № 2, с. 75—82), написанную им совместно с А. Мореевой, А. Голембой, Н. Терновицкой и И. Чканиковым книгу «Как работать с частушкой? В помощь начинающим работникам по фольклору в краях и областях» (М., 1939) и др.

⁴⁴ Первый сборник стихов поэта был издан через десять лет после написания этого письма, в 1958 г. Необходимо отметить, впрочем, что еще в предвоенные годы он выступал в печати (начиная с 1934 г.) не только как фольклорист, но и как прозаик; см., например, его рассказы «Лесная сказка» (в кн.: Проза молодых московских писателей. М., 1937, с. 56—62) и «Мальчик Василь» (в кн.: Бодрость. Сб. конкурсных рассказов. М., 1937, с. 89—100). Много позднее, став уже известным поэтом, В. Боков выпустил интересную книгу прозаических миниатюр «Над рекой Истермой» (М., 1963), журнальный вариант которой появился незадолго до выхода в свет его первого сборника стихов (см.: «Москва», 1957, № 3, с. 6—32).

знающий, имеющий вкус, любящий частушку. А это работа большая: надо внимательно пересмотреть все изданное и попользоваться записями (моими, Вашими, архивными и другими). Следовательно, раньше как через 3 месяца я книги не сделаю. Мне же надо ведь написать и статью без ученой нуды, а горячую, проповедническую.⁴⁵ А потом, ведь нужен договор или, в крайнем случае, твердый голос: делай! < . . . > Частушки пошлите мне заказной бандеролью, не пропадет, я их выпишу и сейчас же верну» (л. 35—35 об.). «От „Библиотеки поэта“ нет вестей», — недоумевал он в письме от 6 ноября, сообщая далее: «А я продолжаю работать. Ограбляю на этот счет всех, кого можно (печатное и непечатное). Недавно разобрал частушечный архив гусляра Беляевского — выбрал 140 блестящих текстов, например:

Мой залеточка в бою,
Просит карточку мою,
А я ему отвечаю:
Возьми меня самою!

Жду-пожду обещанные Ваши тетради. Можно ведь послать их почтой, заказной бандеролью, я верну сразу таким же образом. Теперь об издании. Если даже „Библиотека поэта“ не решится, то я все равно сделаю в полный серьез все, что задумал, и предложу книгу тогда под Вашей редакцией „Советскому писателю“. Слишком я люблю это дело, чтобы его не сделать. Вы это теперь знаете» (л. 37—37 об.). Через три дня он вновь писал: «О книге частушек от „Библиотеки поэта“ — молчок» (л. 39 об.). «Саша! Так что же с частушками?» — спрашивал он 19 декабря, удивляясь тому, что редакция так долго не отвечает на его официальную заявку на подготовку к печати такого сборника: «В чем дело? Я очень прошу Вас послать с А. В. Кожевниковым⁴⁶ Ваши записи, я сделаю выбор и сейчас же вышлю Вам обратно» (л. 45).

Вскоре, однако, долгожданное известие было получено. «Позавчера — Ваше письмо с доброй вестью, а вчера — от издательства бумага о сборнике частушки, — читаем в письме от 26 декабря 1949 г. — Срок жесткий: 1 марта рукопись, но я сегодня ответил согласием. Надеюсь, посинее, а сделаю. Много сделано, только теперь задача охватить все источники, отовсюду выжать сок виноградный. В новый год, кажется, поедет в Ленинград Алексей Венедиктович, частушки Ваши можно послать с ним» (л. 46). «У меня новости: подписал договор на частушку,

⁴⁵ Редакция «Библиотеки поэта» поручила написать вступительную статью к сборнику фольклористу Л. С. Шептаеву, в связи с чем В. Боков писал 7 января 1950 г.: «Помогите мне в присылке из „Библиотеки поэта“ статьи профессора Шептаева, чтобы я ее знал, а то может пойти вразрез моя работа с его статьей. Я боюсь, что в ней много хладнокровия» (л. 48 об.).

⁴⁶ Кожевников Алексей Венедиктович (1891—1980) — писатель, друг В. Бокова.

отправил, — сообщал он поэту в следующем письме от 7 января 1950 г.⁴⁷ — 1-го марта получите рукопись. Алексей Венедиктович в Ленинграде, пошлите свои тетради частушек с ним, я их тут же возвращу ценным письмом» (л. 48), — вновь напоминал он Прокофьеву.

Новые сведения о работе над сборником находим в письме В. Бокова от 7 февраля того же года. «Прости, брат, что запарился и сразу не поблагодарил за посылку с Алексеем Венедиктовичем, — извинялся он за свое месячное молчание. — Книга частушек забрала у меня столько времени! Я уже просмотрел и повертел с боку на бок до 15 000 частушек. Из вашей посылки взял кое-что хорошего. А вообще о частушке надо писать целую книгу открытий эстетическо-художественного порядка. Я такие вещи встречаю, что меня пот прошибает. Буквально гениальные произведения лирической поэзии, например:

Лягу грудью на ограду,
Позову свою отраду,
Серый камень отвалю,
Встать на ноженьки велю!

Саша, плакать хочется от восторга, что это создано простой девкой; гордишься за народ.

Из всего множества сборников частушек, в том числе огромное собрание Елеонской, 6 000;⁴⁸ Симакова, 4 000,⁴⁹ — лучший сборник принадлежит В. Князеву,⁵⁰ тем приятнее, что его редактировали Вы. Все сделано, собрано со вкусом и так, как надо частушку издавать. Моя работа в некоторых моментах будет сходна, но я подбирать буду тоньше: по теме и по образу, у меня подборки будут равносильны песне по своей лирической направленности. Ведь вот интересно, читаешь тысячу, другую, все повторяется, варьируется, сам знаю тысячи, и вдруг вот сегодня подцепил книжечку „Частушки Переславль-Залесского уезда“, изд. управлением железных дорог (!) в 1921 г.⁵¹ и в этой книжечке вдруг нахожу жемчужину:

Капуста, капуста,
Капустница,
Подыметса, подыметса,
Опуститса!

(Плясовая)

Так просто!.. Вот ведь рядом лежали эти слова, а не сделал же, не выдумал этой диковины, этой чудесной, полной такта,

⁴⁷ Это письмо ошибочно датировано автором 7 января 1949 г.

⁴⁸ Елеонская Е. Н. Сборник великорусских частушек. М., 1914.

⁴⁹ Симаков В. И. Сборник деревенских частушек. Ярославль, 1913.

⁵⁰ Князев Василий. Избранные частушки Северного края. Л., 1936.

⁵¹ Имеется в виду сборник: Частушки Переславль-Залесского уезда. Собраны сотрудником экспедиции по обследованию придорожных районов Северной ж. д. М. И. Смирновым. М., 1922.

юмора погудки, с намеком, не оскорбляющим слуха, что всегда испытываешь от сюсюкающей эротики.

Или вот такая частушка-коротышка:

Шел я полем,
Поле всё,
Было горе,
Горе всё.

Сегодня получил напоминание А. Островского⁵² о том, что книгу ждут, и о статье Шептаева. А главное написано, что редактор книги — А. Прокофьев. А то мне писала Лахтина,⁵³ и я пал духом, подумал: попадетсЯ какая тетка из института и начнет всю поэзию нумеровать и хоронить! Теперь я делаю книгу на полное вдохновение.

Если не умру над книгами частушек, книгу 1-го марта Вы получите. Желаю Вам здоровья, песен, счастья» (л. 49—50 об.).

Выполнив свое обязательство и вовремя представив рукопись в издательство, В. Боков с понятным нетерпением стал ожидать оценки своей работы. «Что слышно со сборником частушек, читали ли Вы его и нет ли каких недоразумений?.. — спрашивал он уже 1 апреля 1950 г. — Неужели мой огромный труд⁵⁴ пропадет в дебрях издательства? Надеюсь, что Вы его вытянете в случае каких-либо шероховатостей» (л. 51). «Как поживает „Частушка“? — читаем в письме от 28 апреля. — У меня все надежды на ваше поэтическое и редакторское богатство. По-моему, основное возражение против староверов и мертвых коллекционеров — это то, что книга-то издается для поэтов, литераторов, которым нужна поэзия, а не регистрация, не ветхая ученость <...> Основное качество — художественность, историзм. Вот два кита, на которых надо строить книгу, а не этнографизм и плюшкинская страсть: все тащи в кучу. Такую точку зрения разделяет со мной председатель секции фольклора ССП И. Н. Розанов, и в начале июня я читаю доклад в ССП „Советская художественная частушка“» (л. 52—52 об.). «Вы меня совсем забыли и ни слова не сообщите о судьбе книги частушек, — писал он поэту 19 мая. — Я уже начинаю думать, что тут, может быть, возникли какие-либо фольклорные интриги <...> В чем дело? Была ли редколлегия, как докладывали ей Вы? Нужно ли дорабатывать рукопись или Вы управитесь сами? Я очень Вас прошу ответить мне... Или Вас нет в Ленинграде и рукопись преспокойно лежит на столе?» (л. 54—54 об.).

⁵² Островский А. Г. — в то время зав. редакцией «Библиотеки поэта».

⁵³ Лахтина Г. А. — сотрудник редакции «Библиотеки поэта».

⁵⁴ Вспоминая об этой работе через четверть века, В. Боков писал: «Составляя антологию „Русские частушки“ для малой серии „Библиотеки поэта“, я пропустил через себя не менее 100 000 частушек да тысяч десять сам собрал...» (*Боков Виктор*. Голубое игло, или езда в неизвестное? — Литературная Россия, 1974, № 37, 13 сентября, с. 8).

Легко понять это авторское нетерпение, хотя нельзя в то же время не признать, что все стадии издательской подготовки рукописи сборника прошла в исключительно короткие сроки. Меньше чем за три месяца сборник был одобрен издательством и в конце того же 1950 г. уже вышел в свет. «Спасибо Вам за письмо и за то, что выцарапали „Частушку“ из лап староверов-фольклористов, — писал В. Боков Прокофьеву 2 июня 1950 г. — Я вполне доверяю, что Вы сделали ее не хуже, чем была, а если добавили подпорки — тоже хорошо, ибо „ахиллесовых пят“ оставлять не следует <...> Я с удовольствием бы поехал в Ленинград, — отвечал он далее на приглашение поэта, — но 12 июня у меня в Союзе писателей доклад о частушке, надо будет хорошо подготовиться, написать, перепечатать. Кроме этого, сижу на диете безденежья, немного я пронадеялся на „Частушку“, да вот как!» (л. 56). Находим здесь и интересные, хотя и не во всем бесспорные замечания о стихах Прокофьева, написанных под впечатлением его знакомства с рукописью сборника частушек: «Песенки, вызванные на свет частушками, хороши, за исключением выражения „очи синие“ — это романсно, ненародно. У украинцев это народное слово, у нас нет. У нас — *глаза*:

*У залетки глаза кари
Они меня завлекали.
Ай, залетка дорогой,
Залеточка сероглаз.*

*Твои глаза черней моих,
Будем вместе, отдай мне их.*

*У залетки глазки кари,
Карие кариночки,
Завлекли глазки меня
Вчера на вечериночке.*

*эту услышал
недавно*

*Ай, глазки мои,
Серые прищурки*

и т. д.» (л. 56 об.).

В июле 1950 г. подготовленный Виктором Боковым сборник, пройдя весь цикл редакционно-издательской подготовки, был сдан в типографию (из редакции пишут, читаем в письме от 10 июля, «не смог бы я приехать и посмотреть рукопись перед набором — я Вам верю, сдавайте. Ведь лучше увидеть скорее книгу, чем бесконечно искать „неведомого шедевра“» (л. 60 об.). В последующих письмах В. Бокова Прокофьеву упоминания о книге крайне редки. Как правило, это лишь сетования об отсутствии сборника в продаже: «„Частушки“ все еще нет в Лавке писателей» (л. 62 об.; 20 января 1951 г.); «„Частушки“ все еще нет в продаже. Где же она? Где же мне приобрести 50 экземпляров? Многие собираются писать о нем, а книги все нет и нет» (л. 68; 11 марта 1951 г.); «„Частушку“ нигде ни за

какие деньги не найдешь, и я многим, кому обещал, не подарил. Очень понравилась она М. М. Пришвину, П. Дружинину, В. Чичерову, Л. Ошанину, С. Смирнову и другим» (л. 75; 11 июля 1951 г.) и т. д. Столь же лаконичны сообщения о состоявшихся обсуждениях сборника: «26 декабря в ССП обсуждали мою „Частушку“, — писал он, например, поэту 29 декабря 1951 г. — Подбор текстов высоко оценили и резко раскритиковали статью Шептаева. А до этого разбирали в МГУ — то же самое» (л. 77).

Тем не менее и после этого частушка, как и прежде, осталась основной темой переписки Бокова с Прокофьевым, центральная и, пожалуй, наиболее интересная часть которой связана с жизнью и бытованием русской частушки и содержит немало замечаний о ее поэтике.

4

Большой интерес с этой точки зрения представляют уже самые ранние письма Виктора Бокова о его поездках «в народ», в подмосковные деревни и села.

«Дорогой Александр Андреевич! — читаем, например, в письме от 11 сентября 1949 г. — 27 августа Вы должны были выехать в Ленинград,⁵⁵ а я в этот день поехал в гости к одному гармонисту за Москву. У него был праздник, вернее, у товарища <...> До деревни, где был праздник, надо было идти еще 5 км. Вышли ночью вдвоем. Туман. Тепло. Идем полем, лесом. Остановимся, послушаем. Тишина. Неужели не гуляют? Неужели сорвется замысел и я не услышу ни одной частушечки? Огорчение неимоверное. Вижу, начинает сомневаться и Сергей. Прошли огороды, вышли на улицу — и вот уже слышим, бьется сердце гулянки, поют, поют, поют. Сердце бьется сразу иначе. Спешим. По пути речка, через нее кладинка, она мокрая от измороси, так что и я и гармонист соскакиваем с нее в воду и бежим вброд. Сергей, так звать моего друга, подходит к гулянке, быстро здоровается со всеми ребятами, заглядывая каждому в лицо и чуть задерживаясь. В эту секунду задержки он точно вынюхивает, друг это его или враг, сможет он его ударить или нет. Все девки начинают просить Сергея, чтобы он играл. Он курит, не обращает внимания на просьбы. Молчит. Нельзя же оскорбить тех гармонистов, что играли до него. Вот игравший сам предлагает ему гармонь, подчеркивая (хотя без слов), что Сергей превосходит его как игрок. Он отнекивается. Говорит так это спокойно: „Играй, играй“. Тот чуть попискивает, а потом решительно встает со скамьи и отдает гармонь Сергею. Садится Сергей, освобождают рядом с ним место и мне. Гармонь в его

⁵⁵ С 24 по 27 августа 1949 г. Прокофьев был в Москве на Первой всесоюзной конференции сторонников мира; во время этой поездки и произошло его личное знакомство с В. Боковым.

руках заговорила иным языком. Я шепчу ему на ухо: играй пляску русскую. Заиграл. Вышла девушка и, как-то неожиданно кинув руки, сделал какое-то отчаянное движение, спела:

Эй, подружка, выходи,
За тобою двинуся,
Если он меня изменит,
В сине море кинуся!

Вот сейчас перечитываю — и нет уже той прелести, какая была в исполнении; самого текста мало, напечатав его, например, уловляешь 10% жизни его, а самое главное-то — ушло. Ушла эта чудесная сила вымысла. Ведь она с такой убежденностью произносила „сине море“, что в него верилось, чудилось, что это сине море тут где-то рядом, в огороде, за овином, в лопухах <...> При каждой заворощке Сергей ставит гармонь на лавку и идет в бой. Он разнимает, а иногда и сам дает жару. После этого садится и опять играет. Около него стоят два пьяненьких парня и нет-нет спюют. Спюют с хрипотой, с пропусками картинкой или со словесной ретушью, которая всем понятна <...>

К гулянке подходит один коренастый мужик. „Витя!“ — узнает меня и обнимает. Это тракторист и комбайнер Никита, с которым я прошлый год гулял на празднике рабочих совхоза. Он заблудился в тумане, как шел домой, и „слухом“ пришел сюда. Он гармонист. Сергей отдает гармонь Никите. Сам идет в гущу шума <...> Никита играет и поет:

Прошел раз, прошел четвертый,
У заетки дом запертый.
Пришел с улыбки, в окно стучу:
Открывайте, я спать хочу.
Светит месяц, светит мутный,
Зародился я, беспугный...

От песни он делается пьяным.

Из частушек, спетых девушками, <...> как-то неожиданно поразила:

Хорошо того любить,
Кто в белеенькой рубашке:
Почелует горячо,
Прищурит глазки, вот и все!

„Прищурит глазки, вот и все!“ — совершенно очаровывает простотой и еще чем-то. Может быть, мыслью. То, к чему стремишься, имеет тоже конец — „вот и все“ <...>

Втроем мы уходим. Берем на дорогу гармошку в крайнем доме и двигаемся. Тепло, тепло. Сергей играет, Никита-комбайнер поет:

Финский ножик, финский ножик,
Позолоченный носок <...>

Всю дорогу (5 км) они поют. Приходим поздно, поздно. Садимся у тына на лавочку. Светят ивановские светлячки, я двоих сажаю в спичечную коробку. Сергей играет плясовую, и мы с Никитой идем русского. А Никите еще идти 2 км, его домушка стоит в лесу, там у него живет красивая молодая баба Мотя <...> Я слышал, как она пела частушки под гармонь Никиты на празднике рабочих совхоза <...> Голос — чудо. Среди многих спетых была:

Эх, гармошечка, ори,
Дорогая, ты, ори,
Что у нас с залеткой было —
Никому не говори!

Мы расходимся. Забираемся с Сергеем на сеновал. Ложусь, а в сердце какая-то сатанинская, чудовищная потребность: слушать, слушать народ русский в песнях, в частушках, в его замечательной речи уездной. Ну вот, Шурочка, и сам услышал, и Вам все передал» (л. 31—33).

Месяц спустя В. Боков вновь в деревне, уже у себя на родине: «Милый Александр Андреевич! — читаем в его письме от 9 ноября 1949 г. — Пишу это из деревни. Вчера часа полтора отдирал плясака в хорошей компании. Пели. Веселились. Люди были все хорошие, простые, посмотришь на лицо и сразу видишь, что ему надо...»

Наслушался частушек. Вот ведь народ! Сколько ни копай — все новое выкопаешь! Из двустрочных страданий великолепно прозвучали две:

Ай, залетка, прости, прости,
Расстаемся по глупости.

и

Поезд тронул, бегу вдогон:
Отцепите задний вагон!

Это хорошо поется и на мотив „летят утки“.

Замечательно исполнение частушек под „свадьбу“. Посреди комнаты ставят скамейку, садится парень и выбирает себе невесту. Несколько девушек в вихре пляса несутся по кругу вокруг жениха и невесты и поют, вроде:

Я рогатую корову
Из ручья водила пить.
Я милого, дорогого
Никому не дам любить!

Поют это все, дружно, и вся прелесть в том, как это поется, с каким торжеством, радостью, силой, буйством. Тут уж чего-чего не отмочат! Смотри, какой жених и невеста. Спели даже вот какую:

Как старик свою старуху
Вздумал сделать молодой,
Повалил ее в корыто
И облил святой водой!

Когда танцуют парами по кругу на напев „страданья“, тут поют больше про ребят, критикуют их, ибо они часто моложе девушек и, кроме них, в деревне нет ребят: убиты, в армии, на заводах. Девки 20—25 лет, а ребята, единственно уцелевшие, 17—18—19 лет. Ну, вот тут и начинается обмен любезностями на эту тему:

Ай, подружка дорогая,
Не люби тридцатый год:
Целоваться не умеет,
Только лижется, как кот.

Ай, подружка дорогая,
Голубеночек летит,
Целоваться не умеет,
Только портит аппетит!

Ай, подружка дорогая,
Тридцать первому почет.
Почему ему почет?
Сопля зеленая течет!

Ай, подружка дорогая,
Не люби двадцать восьмой:
Целоваться не умеет,
Рано просится домой.

Эта была сложена, когда 28 году было 18—20 лет.

Насытившись песнями, деревенскими частушками, сегодня вечером глянул на свою книжную полку поэтов и из 80 поэтов рука потянулась к Вам. И опять с такой любовью прочел! Все же вы самый упорный, самый чистого сплава лирик, с ярко выраженной русской окраской. Стихи Ваши отлиты, как формулы, как статуи, они чеканны, и Есенин Вам уступает в строгости чекана. Их нельзя переводить и им нельзя подражать, а если их будешь воровать, то они прозвучат и в украденном сами собой, а не в сломленном виде <...>

Писал ли я Вам, что я работал над розысками синтеза русского искусства, всего в целом? Один из ярких признаков русской мелодии, архитектуры, словесного творчества, орнамента бытового, игрушечного творчества (вятские глиняные) — это яркая фантастичность, сказочность. Василий Блаженный, Кремль — сказка. Вот почему 8 строк: „Но явится день, чтобы ты загрустила...“ — сокровеннейшее творчество русское, оно так же велико, как картины-иконы Андрея Рублева, как сокровенные образы: лягушка-царевна, жар-птица, ковер-самолет. В них обронена такая великая правда и мудрость о закономерности смен поколений и в такой удивительной форме <...> у Вас велик образ, заставка, почерк нашего духа, мудрое чувство пальцев наших вышивальщиц, которые творят, больше любясь и чувствуя, нежели заботясь <...>

Засим, дорогой Шура, обнимаю как старшего нашего поселника и жду весточек» (л. 39—39 об.).

Очень интересны два других письма Виктора Бокова, которые хорошо дополняют, развивают и конкретизируют его мысль,

высказанную им еще в одном из первых писем Прокофьеву (от 20 июля 1949 г.). «Вернулся из деревни, где несколько дней с упоительным восторгом косил отцу сено на корову, — писал он там. — С 4-х утра и до 11 ночи не уходил с лугов: косил, бил валы, шевелил, греб, косил. Всю жизнь я не пропускаю ни одного сенокоса, где бы я ни был. Вот почему Ваша строка „поко-ситься бы“ — для меня так понятна и дорога. Отец мой живет под Загорском, это Троице-Сергиева Лавра бывшая. Удивительные по красоте места, у него сад, пчелы, и вообще он большой выдумщик — мичуринец. Вот бы когда побывать у него с Вами вместе! Я загорел, окреп на покосе и освободился от хандры. Частушки, которые пели девушки лет 17-ти, обворожили меня. Сколько в них было юмора, грации, какого-то нашего русского сокровенного достоинства! Вот плясовые:

Был мой миленький в лесу,
Убил рыжую лису,
А с моей фигурой
Надо чернобурую!

Плясать пошла,
Золотой нашла,
Что-то, что-то под ногой —
Не еще ли золотой?

Ой, подружка, ой, да ой,
Потерялся милый мой

У старухи бешеной,
В киселе замешанный!

Меня мать: я те, я те,
Я те побалуюся!
А я девочка такая —
Все равно целуюся!

Чай уж милый через силу,
Чай уж чаю напился,
Чай умылся, чай утерся,
Чай гулять уж собрался!

Я был счастлив, слушая эти песни. Нет, не умирает наше искони русское, народное, рано его хоронят некоторые умники» (л. 26—27).

Прекрасной иллюстрацией этой мысли о неиссякаемости источника народного творчества и являются упомянутые письма. Ровно год разделяет их (первое написано 10 июля 1950 г., второе — 11 июля 1951 г.), но они дополняют одно другое, поскольку и тут и там речь идет о том, как отмечался в родном селе В. Бокова день Ивана Купала, и дают представление и о местном частушечном репертуаре, который — в этом-то самое интересное — непрерывно обогащается. Хронологическая и функциональная привязанность к одному и тому же событию ни в какой мере не обуславливает даже отдаленной повторяемости репертуара. В одном и том же селе каждый год исполняются совершенно новые частушки, причем имеющиеся в них реалии (топографические приметы и т. п.) свидетельствуют о том, что частушки эти не пришли откуда-то со стороны, не попали сюда из других сел и деревень и тем более не почерпнуты из фольклорных сборников, а в основе своей именно здесь и возникли.

«Дорогой дядя Шура! — писал В. Боков в письме от 10 июля 1950 г. — Только что приехал из деревни и первое, что делаю — пишу Вам письмо. Я был на празднике летнего Ивана Купалы.

Сколько радости и счастья испытал в деревне на народе. Ходили на омут и запруду — на лавах, что перекинуты через плотину, собралось до 100 девушек, две гармони. Пели, плясали, купались. Какие видел картины! Например: баба играет на гармонии, а муж поет и идет во ржи. Плясал и я и пел — сколько живого смеху вызывал у всех!

Съехалась вся наша семья, гости. Гуляли до белого дня. Опять с упоением слушал и ловил частушки. Те девушки, что пели в прошлый год, сменены новыми, а у них и новые тексты.⁵⁶ Вот представь картину. Против нашего дома я стою с балалайкой, играю, пою. Меня окружили. Кругом до захлебу надрываются гармони, что в этом шуме может сделать балалайка? И вдруг она трогает сердца, раскрывает в них такие тайны, которые спят при игре гармони! Вот и раскуси это! Сначала пою, мне подпевают, а потом выходит одна в голубеньком платице — так, синичка, скромница, а как запела! Как спустила с цепи какого-то дьявола, беса, искусителя! А рядом ее муж. Им обоим по 20 лет! Что ей муж! Она услышала песенное сердце и рванулась к нему всей силой своей натуры. Прошла по кругу, подошла вплотную ко мне, заприговаривала:

У нашего гармониста
Глазки, как у вёрона,
Бьют голубку на полете,
Завлекают здорово.

Пошла, заглядывает через плечо, изящно нагнулась и постучала пальцами в подметку туфля, а потом опять подошла ко мне, продолжая знакомиться со мной при помощи песни:

Говорят, что я атлёт,
У меня на сердце — лед,
Что хотите говорите,
А мое во мне — живет!

Я выкрикнул: „Здорово!“ Какое удивительное выражение достоинства личности, веры в свое „я“, в его правоту! А плясунья сыплет текст за текстом, я только ахаю от восторга и подправляю балалайку, что выезжает из-под рук. А она поет:

Ай, товарка дорога,
Мы с тобою, как одна:
Мы все речки перемерили
До самого до дна!

А рядом стоит эта товарка, еще не замужняя, но успевшая перемерить все до дна. А плясунья Клава поет:

⁵⁶ Письмо с описанием этого дня 1949 г. не сохранилось.

У залетки моего
Голубые глазки,
Я еще подголублю,
Когда навечно полюблю!

Ай, товарка дорогая,
Мы с тобою две и две,
Будет времячко такое —
Не увидимся нигде!

Кончила плясать, жмет мне руку. Кругом народ. Стоит мать моя, с любовью слушавшая все это, отец мой, брат. Идем по деревне, где ни круг — там и я, и жадно вострую уши: не услышу ли что нового. А тут две гармони неистовствуют и девушки, перепрудив улицу, поют нежными, щебечущими голосами:

У залетки моего
Голова, так голова!
Какую шапку ни одену —
То велика, то мала!

Один милый мой — дурак,
А другой — совсем балда.
Дурак хоть изредка приходит,
А балда-то — никогда!

Мы залеток провожали,
Провожали дорогих,
Дровожали, говорили:
Нам скорее бы других!

Говорят, я боевая,
Ну и что ж из этого,
Теперь ребята боевые
Доведут до этого!

Ай, товарка дорогая,
Помидоры дутые,
Не люби 30-й год,
Они еще глухие.

Мне залетка говорит:
Не умеешь уважать.
Не тебя ли, мой залеточка,
До дому провожать?!

В гостях у меня был один поэт из Москвы. Заговорили о поэзии. Я сказал, что лучший поэт — Вы, а он выставил Твардовского. Тут я дал такой бой, что он был опрокинут. Поэзия — это живой, обнаженный нерв, а Твардовский делает умственно-эмоциональный массаж <...> У него народ написан в стиле хорошего лубка, а у Вас:

Задрожала, — нет, затрепетала!

Это же дрожь жизни дана, и как просто! У Твардовского не найдешь этих строк: «А мое во мне — живет!». А у Вас их много. Как жаль, что <...> это не разобрано.⁵⁷

⁵⁷ Верно отмечая различие в эмоциональной тональности произведений Прокофьева и Твардовского, В. Боков явно неправ, считая, подобно некоторым другим литераторам (особенно активно такую точку зрения в 40—50-е годы отстаивал И. Сельвинский), поэзию Твардовского лубочной. Характерно, однако, что несколько критическая оценка А. Т. Твардовского и своеобразное противопоставление его произведений прокофьевским нашли отражение в целом ряде писем не только В. Бокова, но и других корреспондентов — рядовых читателей Прокофьева. Думается, что здесь имеет место, во-первых, внутренняя полемика с подчеркнутыми сдержанными, слишком односторонними и нередко явно ошибочными характеристиками, неизменно дававшимися Твардовским Сергею Есенину

Были бы Вы у нас в гостях — сколько бы написали после этого!» (л. 58—60 об.).

Если в этом письме, как мы видели, В. Боков еще в какой-то мере склонен объяснить полное обновление репертуара частушек тем, что произошла смена их основных исполнителей, то в следующем, от 11 июля 1951 г., ничего подобного уже нет. «7—8 июля был в родной деревне на празднике Ивана Купалы, как жалел, что не вместе ходим по улице, не вместе слушаем песни, — читаем здесь. — Ведь вот оказия! В сем годе поют все новое, нежели в прошлом — откуда же все это берется? Видел нашу русскую дробь, прискоки, наши родные движения, улыбки, а уж о песнях и говорить нечего. Сколько счастливых минут пережил, стоя в кругу с молодежью, сколько сокровенных строк почерпнул из народного колодца! Запомнил я около 70 частушек. Девушки поют у нас их нежно, все вместе, сколько есть в деревне. Перепрудят всю деревню цепью, в середине гармонист и вот движутся. Частушка у нас поется быстро, а производит впечатление задушевной песни. Многие тексты меня с ног сшибали, вроде:

(см. об этом: *Наумов Е.* Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Л., 1969, с. 479—481), прямым «наследником» которого В. Боков считал именно Прокофьева: «после Есенина я считаю Вас первым по силе и экспрессии песенного дара, по разинской буйности стиха», «Вы ближе всех к нему — по содроганию строки, по цветной палитре красок, по песенности, по яркой зачинности, по аккордам...» (л. 1, 85—86) и т. д. Аналогичные оценки содержат и письма читателей: «по-моему, Вы очень близко знаете и поэтически чувствуете творчество нашего выдающегося поэта Сергея Есенина...» (ИРЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 860), «Вы современный Есенин, только более здоровый и жизнеутверждающий» (там же, ед. хр. 1050) и др. Во-вторых, здесь, видимо, сыграли свою роль и некоторые критические замечания Твардовского, который порой упрекал Прокофьева в стилизации под фольклор: «поэт, в реальном бытовом плане давным-давно оторванный от своей ладожской деревни, продолжает перепевать навеянное уже не столько жизнью самой Ладоги, сколько фольклорными сборниками, продолжает в своей поэтической практике обращаться к декоративным полотенцам, гармонистам, смазным сапогам и т. п.» (*Твардовский А.* Об инертности формы и содержания. (Из выступления на общемосковском собрании писателей). — Литературная газета, 1951, № 108, 11 сентября). Имея в виду как раз эту публикацию, В. Боков писал в том же письме, что «теория о простоте» — «прибеднение нашей народной поэзии, которая не так проста, как он думает» (л. 76—76 об.). Эти раздражительные оценки и высказывания, произнесенные в пылу полемики, не мешали, однако, В. Бокову по достоинству оценивать творчество Твардовского при иных обстоятельствах — и в печати и в письмах к тому же Прокофьеву. Так, например, уже в самом первом письме, критикуя некоторых претенциозных участников бурных дискуссий той поры о новаторстве и «традиционализме» в искусстве, он и Прокофьева и Твардовского последовательно противопоставлял этим литераторам, неприязнь которых по отношению к «Прокофьевым, Твардовским, Исаковским, Захаровым» — «свидетельство бессилия поднять народную мелодию в слове и музыке, оторванность от глубоко народной почвы» (л. 5). Как видим, Твардовский без каких-либо оговорок стоит здесь в одном ряду с горячо любимым В. Боковым Прокофьевым.

По своей высокой горнице
Девятый раз иду.
По своей высокой гордости
Залетку не найду.

Нас и хаот — наплевать,
Нам хвалить не нанимать.
Пустяки моя головушка
Привыкла принимать!

Ай, подруга, запевай,
Голоски наши резки,
Запевай повеселее,
Чтобы не было тоски.

Я по клеверу гуляла,
Наступила на змею.
Вспомни, милый, как гуляли
Говорил: не изменю!

Вот она и заиграла,
Вот она и вот она.
У залетки появилась
Другая сатана!

Сине море переплыли,
А болото — перейдем.
А мы язвические⁵⁸ девушки
Нигде не пропадем.

Чай, теперь на Черном море
Волны колыхаются.
Чай, теперь моему залетке
Тяжело вздыхается.

У залеточки в дому
Идет конференция —

А ребята пели свое. Два парня из Переяславля целый час плясали елецкого. Уморили всех со смеху, хотя сами ни разу не улыгнулись. Они задевали всех, кто стоял в кругу, да как! Сначала обратились к притихшим девушкам:

Что вы, девушки, стоите
Тихо и спокойненько?
Вы гулять сюда пришли,
Иль отпевать покойника?!

А потом начали обращаться к каждой по отдельности <...>
Из их частушек вот еще:

Мама дома, тятки нет,
Это тоже не совет,
Рассержусь, не вернусь
До семидесяти лет!

По деревне мы ходили,
По окошкам шарили.
Восемь девок утащили,
А одну оставили.

Ему невесту выбирает
Вся интеллигенция.

Возле моря течет речка,
Впереди ее — ручей.
Почему же любовь первая
Бывает горячей?!

Что хотите говорите —
Все равно Володина,
А Парфеново деревня —
Это моя родина.

Ай, подруга дорогая,
Нас с тобою хаяли.
Мы на эти разговоры
Ноль вниманья ставили.

Ай, подруга дорогая,
Голосочек мой осел.
До чего было обидно —
Изменил и рядом сел!

Играй, Витя, веселее,
Нажимай на нижний ряд,
Давай, милый, погуляем,
Пускай люди говорят!

Пойду, разойдусь,
Я с плохими не займусь.
А хороший не полюбит —
Я сама ему набьюсь.

Меня мать — голикóм,
И отец — голиком. *(это две под пляс).*
Растрепался весь голик,
А мне нравится старик.

⁵⁸ От названия деревни Язвицы, родного села В. Бокова.

Выхожу и запеваю
Я на эту улицу.
Настроеннице такое,
Как бы стибрить курицу!

Я залеточку косую
На портянке нарисую.

Утром буду умываться,
На портянку любоваться.

Не женитесь, ребята,
Надо много припасать,
Надо юбок, надо люлек,
Надо няньку нанимать <...>

Многие нельзя написать — слишком солонны.

Почти две недели перед этим я был в Воронеже. Работал там с одним хором под управлением Макиенко. В нем создаются новые песни. Да какие! Поют несколько моих песен, в том числе песню „Наглядитесь, очи ясные“. Этой я бредил день и ночь <...> Хор провожал меня на вокзал, пел мне на перроне перед отходом поезда. Минуты незабываемые. В хоре девушки — 18—20 лет, строители, вырванные из деревень. Конечно, много записал и от них, в том числе:

Меня мпый на дороге
Поцелует десять раз.
Ну, какая моя память —
Отдохну, забуду в раз!

и т. д.

Или:

Как дед бабку
Посадил в шалку,
Завязал в узелок,
Разводиться поволок!

Как дед бабку
Посадил в шалку:
Садись, бабка, на края,
Будешь барыня моя!

На улице я вспомнил ваши слова: „Какие песни мы сложили и что на улицах поют?“ Да, таких песен пока нет — и слов, и музыки <...>» (л. 71—74).

Может показаться, что лишь эпизодические, хотя в общем-то и довольно частые наезды в деревню позволяли В. Бокову пополнять свое собрание частушек. Но это, конечно, далеко не так. Где бы он ни был, никогда не упускал возможности услышать что-либо новое. «Я недавно, — читаем, например, в его письме от 6 ноября 1949 г., — три вечера подряд слушал частушки в читальне под Москвой, записал 100 — но какие! А одну из записанных даже просил объяснить девушек, они это не смогли: „Так поется“, — вот и весь комментарий. А частушка вот:

С неба звездочка упала
На мое сияние.
Сегодня вечер как-нибудь,
А завтра — до свидания!

Смущала меня строка „на мое сияние“, но она-то и фокус всего» (л. 37 об.). «Вчера был в гостях у одной московской

актрисы, — писал он в письме от 23 февраля 1951 г., рассказывая поэту об услышанных им здесь от домработницы Маши частушках. — И вот эта Маша пошла петь и плясать. Милый Саша, что разделявала, что пела, да как! Я сидел и балдел от каждого текста. Пела она скабрёзные, но у нее они не имели грязи <...> Взял клятву с хозяйки, что она запишет все, что в Маше есть. Видимо, она создает сама, так как по свидетельству домашних она поет каждый день новые» (л. 64—65).

«Посылаю Вам новые записи частушек, — читаем в письме от 25 июня 1959 г. — Я ездил на пароходе „Чкалов“ с девушками из ФЗО — строителями, их было 200 человек, и вот я их подстрекнул на запись частушек. Целый рой девушек вился около меня, и я еле успевал записывать. Полностью все записанное я назвал „Дождем частушек“. Впечатление незабываемое. Мы стоим на палубе, на узком проходе, девушки говорят, я пишу <...>. Вот из этого-то улова я и выбрал, что лучше!» (л. 92). На приложенных к этому письму листках читаем:

ЧАСТУШКИ

А. А. Прокофьеву — для вдохновения родными мотивами.

25 июня 59 г. Виктор Боков

Выхожу и начинаю
Каблуками — тут, тук, тук.
Теперь ребята выбирают,
У кого большой сундук!

Ай, подруга дорогая,
Виднеется огонек,
Если парень не целует —
Он не парень, а пенек.

Гармонист какой красивый,
Я в него влюбилась,
Была бы я стеклянная —
Пала и разбилась.

Не пиши, залетка, писем,
Они не читаются,
Твои синие конверты
По полу валяются.

Мне мой милый изменяет
На неделе три раза,
Потом шапку надевает
На бесстыжие глаза.

Мой залеточка богатый,
Мой залеточка буржуй,
Вынул корку из кармана:
На-ка, милая, пожуй!

Вот мы и вышли,
Обе никудышны,

Обе не работницы,
Зато пожрать охотницы.

Ой, залетка дорогой,
Тебя сглазил домовой,
Приходи ко мне кормиться
Из корзинки кормовой.

Из-за лесу вылетает
Ни сорока, ни сова,
А за этой за совой
Летит платочек носовой.

Ой, подруга дорогая,
Наши не явились,
Они шли через болото,
Клюквой подавились.

Не дружила и не буду
С таким безобразником,
У него одна по будням,
А друга по праздникам.

Я на личко некрасива,
Что ж ты, роза, выбирал?
Красоту или характер,
Или сам не понимал?

Мой-то милый хвалится,
Что богатую нашел,
Много юбок и чулок
И с дуринкою чуток!

Он думает: я гопаюсь,
Он думает: я вдогон,
Он думает: я такая
Ненормальная, как он!

Мой залетка где-нибудь
Веселит каку-нибудь,
А я руки в талпо,
Весело компанню!

Мне мой милый изменил,
А я не похужела,
Он пошел, а я сказала:
До свиданья, пужало!

Меня милый изменил
На одну минуточку.
Теперь ловит, не поймает,
Как дикую уточку!

Мне мой милый изменил,
За красивой гонится,
А красивая его
За народ хоронится!

Я ходила по лесу,
Я ходила между груш,
Я свою залетку кликала:
Чуш-чуш! Чуш-чуш! Чуш-чуш!

Я иду, а мне навстречу
Ветер относительный,
Кого люблю, того здесь нету,
Парень заразительный.

Полюбила старшину —
Четыре метра в вышину,
Чтоб его поцеловать,
Становилась на кровать.

Мне мой милый изменил,
Думал, буду брошена,
Ты не бойся, не завяну,
Не трава подкошена.

Соперница в белом платье,
Соперница в голубом,
Что ты, миленький, наделал —
Все соперницы кругом!

Вот спасибо гармонисту,
Что играл он весело,
А залетке за измену —
Три корыта месива.

Я на быстрюю реку
Накидаю ивняку,
Ивняк тонет, но не весь,
Залетка есть, только не здесь!

(л. 95—96 об.)

Наряду с подобными письмами, в которых находим сразу десятки частушек, немало и таких, где имеются тексты лишь отдельных частушек, привлечших к себе внимание В. Бокова. «Саша! — писал он, например, 15 октября 1949 г. в постскрип-туме к письму. — А сегодня услышал утром в детском саду, поют малыши частушку:

Гармонь — бубен, гармонь — бубен,
Мы на пузе играть будем,
Лопнет пузо — наплевать:
Под рубахой не видать!

Пел мой племянник, ему 4 года, мать (моя сестра) — инженер авиации, отец — майор. А сын каков! Наших кровей! Я этой не знал. А вы?» (л. 36). «Вчера, — сообщал он поэту 16 декабря того же года, — я получил замечательное письмо с Урала. В глухой деревушке, которую я посетил летом, та учительница, что мне писала, организовала литературный кружок по сбору фольклора. Прислали мне фотокарточку — такие славные мордахи, увлеклись сбором фольклора не на шутку, прислали мне 130 посланиц и 100 частушек. Вот некоторые из них:

Ой, сердце мое
Что-то заболело.
Отпустить бы его —
Куда бы полетело?

Я не буду боле-то
Тосковать по ббле-то, (ббля —
У него другая есть, милый).
Ему не надо боле-то.

Ой сердце болит,
И под сердцем болит,
Вижу милого на карточке —
Ничё⁵⁹ не говорит.

Не горюй, что ты разжена —
Все равно буду гулять.

Это лето мне на память,
Это лето не забыть.
Привалился к сердцу камень,
Мне его не отвалить.

Милый, женишься — разженишься,
Разженей будут звать.

Когда Вы читали в гостинице „Москва“ „Прощаемся. Две тучи вьются...“, меня очаровала рифма „память — камень“. Это народная, думал я, а вот и подтверждение» (л. 44—45). «Я много езжу, слушаю, — писал он 29 декабря 1951 г. — Сколько новых частушек знаю:

Вот и кончилась война,
Я осталась одна.
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик!

Или:

Захотела меня мать
За усатого отдать.
За такого усана
Иди, маменька, сама!»

(л. 77—77 об.)

«В Омске, — делился он с поэтом 20 января 1957 г., — я услышал частушку:

Полюбила я его —
У него трое детей.
Я на то располагаю:
Двое нам, а третий — ей!»

«В Крутинке (156 км. от Омска) поют:

Полюбила я его,
Только замуж не берет.
И за что таким правительство
Медали выдает?!»

(л. 91)

В письме от 11 ноября 1952 г., также читаем: «Я целиком занят песней, весь в народе и тем счастлив. Сколько новых частушек услышал! Дивные, вроде:

Голосок пуцу по реке —
Разбирай, милый, словечки.

Это великая бесхитростная поэзия» (л. 79) — заключал он, и такое определение хорошо объясняет, почему так много сил и времени отдавал Виктор Боков делу собирания и изучения русской частушки — одного из популярнейших жанров народного творчества, который он очень высоко ценил и предлагал даже организовать специальный ансамбль частушечников, о чем он

⁵⁹ Это уральское (прим. В. Ф. Бокова).

сообщал Прокофьеву 23 февраля 1951 г. «Я написал в Секретариат Союза композиторов проект организации ансамбля частушечников в Москве. Цель — пропагандировать высокохудожественные тексты и напевы всех областей Союза. Предварительное одобрение секретариата есть, будут слушать мое сообщение. Не знаю, что из этого будет. А я жил бы 200 лет — и все 200 ходил бы из села в село и слушал бы, и записывал, и восхищался сокровенно истинного поэтического слова и души русской» (л. 65—65 об.).

«Частушка — новая область художественного творчества русского человека. Отойдя от исконных форм и черт русской традиционной песенности, частушка уберегла дух народа, его характерные, исторически сложившиеся черты: удаль, смелость, общительность, любовь к острому слову, к шутке, к обличению зла»,⁶⁰ — писал В. Боков в «Раздумье о частушке», предпосланном в качестве предисловия к сборнику частушек в большой серии «Библиотеки поэта», и не случайно поэтому он создал о ней и ряд научных трудов. По ряду причин не всем из них было суждено увидеть свет, и об одной такой неизданной работе В. Бокова мы узнаем из его писем к Прокофьеву.

Первые сведения о ней содержатся в уже цитированном письме от 14 октября 1949 г. «Написал я книгу „Поэтика частушки“ — 6 печ. листов <...> Договор был на 3 листа <...> Я вам пошлю один экземпляр для знакомства. Там есть добро» (л. 35). Прошло почти полтора года, прежде чем рукопись книги двинулась в движение. «У меня новости такие, — сообщал В. Боков 23 февраля 1951 г. — Собираются издавать мою „Поэтику частушки“ — 6 печ. листов: Уже есть договор с редактором на редактирование. Сейчас рукопись у рецензентов. Не могли бы Вы тоже прорецензировать ее <...> Если ответите согласием, то ВДНТ⁶¹ пошлет рукопись <...> Хорошо бы иметь Ваш отзыв. Я хотел дать Асееву, но что-то сдерживает» (л. 65 об.). В одном из следующих писем, от 11 марта 1951 г., еще одно беглое упоминание об этой книге: «О поэтике частушки попробую поговорить с Асеевым» (л. 70), но каких-либо иных материалов о ней в архиве Прокофьева нет; сама же эта книга (как и ряд других работ В. Бокова о фольклоре, написанных им в 40-е годы)⁶² так и не была издана.⁶³

⁶⁰ Частушка. М.; Л., 1966, с. 5.

⁶¹ Всесоюзный дом народного творчества.

⁶² О них говорится, например, в письме В. Бокова от 2 апреля 1949 г. «Статьи по фольклору я пока не посылаю, нет копии на машинке. Написал я еще работу на 2 печатных листа „Моя поэтика“. Это совершенно необычная работа, непохожая на все писавшиеся поэтики. Также лежит в рукописи, не могу перепечатать. Все это — бескорыстное донкихотство <...>» (л. 19).

⁶³ В печати появилась лишь небольшая статья В. Бокова на эту тему «Черты нового. (Заметки о частушке)» («Советская музыка», 1953, № 7. с. 62—65).

Вскоре после выхода в свет подготовленного В. Боковым сборника «Русская частушка» у него возникает замысел о переиздании сборника в дополненном виде уже в большой серии «Библиотеки поэта», о чем также свидетельствуют его письма к Прокофьеву. «Я собрал уйму нового и хочу сделать новое издание и написать статью сам, так как все об этом говорят. Послал заявку в „Библиотеку поэта“ — нет ответа. Давайте-ка, А. А., на пару сделаем „Частушку“ для большой серии „Библиотеки“» (л. 77), — писал он уже 29 декабря 1951 г. «„Русская частушка“ — неуловимая книга, как жаль, что был мал тираж. Не могли бы мы ее переиздать в большой серии? Сколько у меня нового из этой области!» (л. 81 об.), — читаем в письме от 23 ноября 1952 г.⁶⁴

Наряду с этим у В. Бокова возникает и другой замысел — подготовить для «Библиотеки поэта» сборник русских загадок. Он также не был осуществлен, и тем больший интерес вызывают имеющиеся в письмах различные замечания и упоминания о нем.

Первое из них (в письме от 20 января 1951 г.) свидетельствует о том, что впервые мысль о такой книге была высказана. В. Боковым в еще более раннем письме Прокофьеву (оно не сохранилось в архиве поэта). Судя по всему, у редакции «Библиотеки поэта» возникли сомнения, насколько правомерно само издание такого сборника в этой серии, о чем, вероятно, Прокофьев и написал В. Бокову. Ответом на эти сомнения и является письмо В. Бокова: «„Загадка“ — по своей природе поэтична, кроме того, она и по форме стихотворная, имеет рифму, строку, ритм. Не отнесешь же ее к прозе. Вступительную статью я напишу сам. Мне в Москве многие выговаривают, что я не написал статьи к „Частушке“» (л. 62 об.). «Что слышно с загадками? — спрашивал он месяц спустя, 23 февраля 1951 г. — Можно было бы подключить к ним пословицы» (л. 65 об.).

⁶⁴ В большой серии «Библиотеки поэта» этот сборник не был переиздан. Позднее Музгиз выпустил составленный В. Боковым совместно с С. Аксюком небольшой сборник «Русские частушки» (М., 1954. 76 с.), который вскоре был переиздан в существенно дополненном виде (М., 1956. 109 с.).

Работа по подготовке сборника частушек для большой серии «Библиотеки поэта» была начата лишь в 1955 г. Д. Молдавским, который по рекомендации Прокофьева обратился к В. Бокову с предложением принять в ней участие. Однако В. Боков не смог принять это предложение: «...» я сейчас очень занят творческими делами, — писал он Прокофьеву 26 апреля 1955 г., — 11 апреля в Клубе писателей был мой вечер стихов и песен, общий глас присутствующих (было около 90 человек на секции) изрек — немедленно сдать книжку стихов, так что я сейчас сижу над подготовкой книги. Пора уже мне выходить в поэты, ибо это ведь у меня главное, для этого и жил» (л. 82). В 1966 г. сборник частушек (составленный В. Бахтинным) вышел наконец и в большой серии «Библиотеки поэта» с предисловием В. Бокова «Раздумье о частушке».

«Знаете ли вы, — читаем в письме от 11 июля того же года, — такую загадку: Шапка-бармата́ из клинушков собрата́.

Это — человеческая речь. Как здорово! Драгоценное определение народом своей речи: из клинушков собрата. А у некоторых вместо клинушков эта речь спита из одного серого сукна.

Как там „Загадка“? Мне ничего не писали» (л. 75).

Наиболее подробное представление о задуманном сборнике дает письмо В. Бокова от 11 марта 1951 г., в котором находим также ряд интересных замечаний о природе и некоторых особенностях поэтики произведений этого жанра. «Теперь о „Загадке“, — писал он. — Если одну загадку издавать не решатся, то можно сдвоить — „Загадки и пословицы“. Кстати, последнее, что слышал из пословиц в народе.⁶⁵

1. Ешь, пока живот свеж,
Живот завянет, на еду не заглянет!
2. Мудрая пчела из засохшего цветка не пьет!
3. Русская девушка без улыбки,
А русский язык без ошибки не живут!⁶⁶

В соединении жанра пословиц и загадок как бы объединятся малые формы народного поэтического творчества. Статью вступительную буду писать я сам <...>

„Загадки“ сделаем оригинально и в таком фокусе, в каком не было еще. Будем давать не по принципу быта, а по принципу внутренней связи образа. Конечно, надо бы во что бы то ни стало отстоять „Загадку“ отдельно — сделали бы, Саша, пальчики оближешь! Ведь это же настольной книгой поэта должно быть, тут наша Русь в образе и духе так же прет, как на вышивке, резьбе, в лепке вятских игрушек, где олень несет золотые рога. „Слово о полку Игореве“ по глубине метафор идет от загадки во многом. Ведь загадка — это не забава и не досуг, как это стало теперь, а поэзия + знание, это — первый рассказ человека о мире. Если вы читаете у Гоголя: „шаровары, как Черное море“, — так это же и в загадке:

Через море
Струнка протянута (*ведро с водой, дужка*).

Сколько же тонкого юмора в загадке:

Между двух светил
Остался один (*нос!*).

⁶⁵ Тексты различных пословиц и поговорок имеются и в ряде других писем В. Бокова. Среди них и очень интересные, например: Попел в рай — на собак не оглядывайся (л. 56 об.).

⁶⁶ Ср. у Пушкина в «Евгении Онегине» (гл. 3, строфа XXVIII):

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.

Какое самообладание в теме смерти:

Заехал в ухаб —
Не выеду никак! (могила).

Тут нет пессимизма, а — тончайший юмор, побеждающий смерть.

Какой социальный сарказм:

Весь в крестах,
А почестей — нет (лапотъ).

В загадке рациональное, точное знание не отделено от поэтического образа.

Вообще мы сделали бы с Вами *вдохновенную книгу*, а уж статью бы я грохнул на полный встрях, не талмудически-педантически нудно, а с широким охватом вообще русского образа, и главным образом *древнего образа*, который еще тогда, в XII веке, показал, что Русь — великий народ, народ неизбывного таланта» (л. 68—70). Не сомневаясь в том, что Прокофьеву удастся отстоять идею такого сборника, В. Боков добавлял далее: «Ведь загадка не издавалась 20 лет! Если не больше. А она — сокровище, золотой фонд народной поэзии. А если кто этого не знает, то „Библиотека поэта“ должна образовать поэта, открыть ему, где он может брать» (л. 70).⁶⁷

Наконец, заметное место в письмах В. Бокова А. Прокофьеву занимает народная песня. И это не случайно: и сам В. Боков входил в литературу прежде всего как поэт-песенник, большое место занимала песня и в творчестве Прокофьева.

Очень интересен здесь рассказ В. Бокова о своей работе над переводами песен народов СССР. «Несколько слов про себя, — писал он 13 мая 1949 г. — сейчас я занят переводами народных песен. Переводы эти необычные: я сижу у радиолы, слушаю записанные на пластинку песни и угадываю русские слова перевода в музыку. Есть чудесные песни: марийские, чувашские, мордовские, тувинские. Добиваюсь абсолютно свободного звучания русского текста с национальной музыкой и в то же время нахожу приемлемую норму возможной народной русской окраски. Вот один пример такого перевода с марийского — марийская хороводная весенняя девичья песня:

По лугам — подснежники,
По лугам — подснежники,
По лугам — подснежники,
Голубые понизу.
Голубые понизу —
Век и радость молодца.

По нагорью лилии,
По нагорью желтые.
По нагорью лилии,
По нагорью желтые,
По нагорью желтые,
Век и радость девушки.

Вот и все! Короче воробьиного носа! Вы бы послушали, как это изумительно звучит в пении: просто, задушевно, мудро. Одна

⁶⁷ Сборник загадок в «Библиотеке поэта» не был издан.

из песен — свадебная марийская — изображает момент: свадебный поезд жениха едет к невесте через леса и поля с барабаном и волынкой, все уже пьяные, дорога идет лесом, по корням деревьев, телеги, как пьяные, качаются с бока на бок вместе с людьми, и все это передано ритмом песни. Иногда угадать капризный ритм музыки очень трудно, но я добиваюсь этого любой ценой, сижу днями над одной пластинкой и, ввевшись в мотив, вдруг как-то нахожу русский текст, причем стараюсь подойти вплотную к подлиннику» (л. 23—24).

«Как радуюсь я талантливым созданиям, как хочется жить, когда видишь подлинный, натуральный дар, — писал В. Боков в письме от 14 октября 1949 г. — На днях я весь вечер сидел и пел с гусяром Всеволодом Беляевским (единственный подлинный русский мастер, умница) под гусли. Саша! Послушал бы. Особенно песню:

Ехал мужик полем,
За угол задел!
Ох!
За угол задел.
За угол задел,
Зазнобу запел.
Ох!
Зазноба, зазпобушка,
Серые глаза,
Русая коса.

Это „ох“ — божественно по красоте, по юмору. Древний-древний мотив. Перенял я у него еще одну песню — „Кто на Ладоге бывал, кто про Ладогу слышал?“ В песне изображаются пять жен, и все с изъянами и недостатками. Знаете такую? Тоже чудесная песня. Теперь, если где пою сердечно (ведь вы не слышали, как я пою), то всегда жалею, что рядом нет Вас» (л. 35).

Вскоре, 6 ноября того же года, В. Боков выслал Прокофьеву текст упомянутой песни. «Посылаю Вам песню о женах, я упоминал о ней раньше, — писал он. — Припев я не вписывал в общий текст — он один.

С Урала Вам большой привет от учителей деревни. Книжку „Избранное“, что я послал летом, там читают, а одна учительница знает наизусть... Вот как, Саша, Русь слышит своих поэтов, а у кого ухо туго, это уже и не Русь. Я очень много работаю над собой, стихов сейчас не пишу совсем, нейдут. В сочинениях Ованеса Туманяна я нашел замечательное определение: „поэт-армянин — это еще не армянский поэт“. А Вы — русский и русский поэт, и русский Вас слышит.

У меня было полмесяца целых совещание по фольклору. Докладывали — Якутия, Армения, Урал, Ленинград, Закарпатская Украина, Эстония и т. д. Много было интересного. Украина, например, привезла доклад „Советские обычаи“. Там в двух районах вошло в обычай играть свадьбы в клубе, делать это собы-

тие праздником всего народа. Молодым все и всё дарят, очень любопытно.

Ну, Саша, обнимаю и желаю, чтобы пелось тебе вольно и с размахом» (л. 37 об.). Далее следовал и текст самой песни:

«Для Александра Прокофьева.

Ой, дербень, дербень, Калуга,
Дербень Ладога моя.
Кто на Ладоге бывал,
Кто про Ладогу слышал?

Не слышали ли про ту,
Про Лексееву жену?
Как же, как же не слышать!
У Лексея-то жена
Под коровой заспала,
Молоко все пролила.

Не слышали ли про ту,
Про Захарову жену?
Как же, как же не слышать!
Как Захарова жена
Спать охотница была,
Долго печи не топила,
Много сору накопила,
Щепочек да палочек
До самых подлабочек,
Маленьких лукошечек
До самых окошечек.

Не слышали ли про ту,
Про Петрову про жену?
Как же, как же не слышать!
У Петра за домом лужа,
Не боялась жена мужа,
По беседушкам ходила,
Молодых ребят любила,
У ней дети некормлены,
Пироги недопечены.

Не слышали ли про ту,
Про Андрееву жену?
Как же, как же не слышать!
У Андрея-то жена
Невысока на ногах,
Много сала на боках,
Она не прядла, не топила,
Да все прянички любила,
Пряники — орешки,
На локтях прорешки.

Не слышали ли про ту,
Про Степанову жену?
Как же, как же не слышать!
Как Степанова жена
Очень хитрая была:
Соседок в гости позовет,
Всем работы надаёт:

Дарья — мнет, Марья — шьет,
Анна — курочку дерет,
Аграфена лен прядет,
Фекла ниточку катнет!

Ай, дербень, дербень, Калуга,
Дербень Ладога моя,
Кто на Ладоге бывал?
Кто про Ладогу слышал?

*Припев этот
после каж-
дого куплета.*

Песню эту записал гуслиар Беляевский Всеволод, солист государственного оркестра народных инструментов от архангельского хора. Несмотря на резкую критику всех изображенных жён, песня все же проникнута высоким, всепрощающим юмором и идеей: идеального в природе нет, во всем есть какая-то слабость или недостаток. Гуслиар Беляевский зовет эту песню „Сплетницы“, и в его исполнении это имеет и такой оттенок. Песня живая, веселая, подвижная, музыка плясовая» (л. 38—38 об.).

Как поэт-песенник В. Боков неизменно поддерживал очень тесные личные и творческие связи с народными — профессиональными и самодеятельными — хоровыми коллективами, и это в ряде случаев также нашло отражение в его письмах. «В Ленинград на 3-й съезд профсоюзов строителей, — писал он, например, 11 марта 1951 г. — ездил хор девушек города Воронежа (10 человек) под управлением Макиенко. Это штукатуры, маляры, строители в общем, сами родились в разных районах Воронежской области — корни земляные — так вот, они создают свои песни и мелодии. Слушаешь и волнуешься! Поют всем животом, всей душой, всем сердцем. Я просил их, когда провожал в Ленинград, связаться с Вами и дать концерт в ССП, но они не имели времени. Купил им последний Ваш том и провел с ними беседу о вашем творчестве. Как слушали! Отзывы были такие: *В. Ф., это все песни, а не стихи!* Теперь будут петь и распевать Вас. Одна из хористок спела частушку:

Кто-то ступает, идет
По большому мосту.
Я на смерть того люблю,
Кто большого расту!

Выступали они в Колонном зале Дома Союзов, выступали в редакции „Комсомольская правда“ — с огромным успехом. „КП“ числа 15-го даст о них большую статью. Прочтите ее — человек будет писать умный, я с ним беседовал о песне долго. Вот живая черта коммунизма в сегодняшнем дне: штукатур после работы создает песни и радуется ими своих же товарищей. Хор сделал несколько песен на мои слова. Я доволен, особенно восхищала всех (на бис) песня „Поработай, Волга!“ на мои слова. Ее собираются печатать» (л. 67—68).

«Я очень много сейчас занимаюсь песней, — писал В. Боков через четыре месяца после этого, 11 июля 1951 г. — Пишу песни,

знакомлюсь с мелодиями. Какие чудесные народные мелодии просят новые слова, ибо образы музыки живы, современные, а слова — устарели. Хотя бы песня о Разине и „Горят, горят пожары“. Музыка гениальна, а слова надо расшифровывать» (л. 75). «Я целиком живу в народе, в песне, — читаем в письме от 23 ноября 1952 г. — Многие мои песни поются в низах, в гуще. Ездил за лето — Куйбышев, Воронеж, Подмосковь. Сколько записали на магнитофон с композитором Абрамским дивного! Как хочу, чтобы Вы все это услышали. Композитор Абрамский — это истинный народник и, по-моему, он талантливее Захарова. Как хочу Вас познакомить. У него на квартире на рояле магнитные пленки с записью 120 песен с Нижней Печеры — пели предки новгородцев, какое чудо! Вот бы заехали — очастливили бы себя этим жемчугом. Собираемся с ним на днях съездить в Вологду — там интересный хор. О Вас он много знает от меня... Дорогой Саша! Я бы очень хотел, чтобы Волжский хор пел ваши песни. Очень нужны: песня о Чкалове, песня о Ленине. Имею полномочия хора заказать Вам их. Композиторов мы подберем сами. Напишите, как на это душа отнесется» (л. 81—81 об.).

Несомненный интерес представляет и предшествующее этому письму, написанное 11 ноября 1952 г. вскоре после встречи В. Бокова с Воронежским народным хором: «Дорогой Александр Андреевич! Получили ли Вы мою телеграмму из Воронежа на праздник? ⁶⁸ Объясню ее причину и смысл. Я находился в командировке в хоре Макиенко и увидел у него на полке томик Ваших стихов. Со мной был вместе композитор Александр Андреевич Абрамский — истинный народный музыкант по духу. Я открыл томик и стал читать любимое, с комментариями. Душа росла и крепла от прикосновения к большой поэзии. Чувство огромного восторга передалось и моим друзьям. С новой силой я почувствовал огромный Ваш талант. Такие стихи, как „Незнакомка“, „Здесь тишина...“, „Не слышно родичей в помине“, „Как радостно сердцу...“, „Где я?..“, „Потомкам пригодится...“, „Спокойной ночи, русская земля...“, не ломает время. Я сумел доказать, насколько наша поэзия самобытнее и выше Твардовского и Исаковского, хотя она тоже деревенская. У тех — хрестоматия, а у вас — поэзия. Особенность ваших стихов — сжатость, энергичность стиха, его лирическое наполнение, отсутствие разжиженного юмора и игры в юмор. Ваша строка летит, звенит, имеет высокую температуру, в своем существе она глубоко русская.

Послушали бы со стороны наш разговор — радость, меня благодарили, жали руку за „открытие поэта“. После этого мы и пошли давать телеграмму. А. А., Вы поэт не меньше Есе-

⁶⁸ В архиве Прокофьева сохранилась телеграмма В. Бокова к нему. отправленная из Воронежа 5 ноября 1952 г.: «Читал ваши стихи окружении друзей, общий восторг, спасибо за радость. Виктор Боков» (л. 99).

нина,⁶⁹ Блока, а в некотором роде и выше их. Вашими устами говорит народ-поэт. Спасибо, спасибо!» (л. 78—79).

Характерно, однако, что столь высокие и даже просто восторженные оценки Прокофьева и его творчества ни в какой мере не помешали В. Бокову и высказать целый ряд критических замечаний о его произведениях, причем некоторые из них — и это знаменательно — связаны именно с раздумьями В. Бокова над русскими народными песнями. В письме от 13 мая 1949 г., например, он делился с поэтом впечатлениями от его сборника стихов «В краю моем»: «Читал я книжечку несколько раз и пытался найти какое-то обобщение и пожелание Вам в следующих работах. Мне подумалось вот что: как бы мы хорошо ни писали о природе, но стихи со временем начинают повторяться и варьироваться и это уменьшает силу воздействия их. Почему-то у русских поэтов лес, реки, ручьи больше воспеваются, чем поля, злаки хлебов. А ведь здесь — основа жизни и работы. Неужели мы — лесники? Я нарочно прочитал Роберта Бернса — у него ячменное зерно становится символом жизни и буйства, у него девушка пробирается сквозь рожь на свиданье и замачивает юбку росой (деталь), у него парень целует девушку в колосьях ячменя. Неужели мы, русские, меньше шотландцев чувствуем запах ржи, хлебов, неужели у нас меньше чувства такта, реальности и объективности?»

Сейчас же вспоминаешь русскую народную песню „Хмель“, где этот зеленый герой с удовольствием говорит о мужике:

Я ударил его в тын головую,
Еще бросил в грязь бородюю.

Она нисколько не хуже „ячменного зерна“, и там — душа землероба. Наши сравнения стройности девушки и березки целиком ослепили нас, и мы не замечаем, что колос ржи, ячменя — не менее строен, чем девушка и березка, что изящные усы гороха не менее изящны завитков девичьих волос, что поле выколосившейся и цветущей ржи неотразимо своей красотой. Почему бы Вам не написать картину этой ржи со страстью и напором...» (л. 21).

Еще более определенно высказался В. Боков в письме от 11 сентября 1949 г., размышляя над тем, почему посланные им Прокофьеву стихи⁷⁰ никак не заинтересовали поэта. «Я понял, — писал он, — что у нас разный подход к стихам. Вы работаете до пота над строкой, а я больше работаю над ритмом и общим контуром вещи, замыслом. Помню завет Пушкина: истинный

⁶⁹ Через несколько лет, 28 декабря 1955 г. В. Боков писал: «Я выступал на дне поэта Сергея Есенина и там вдруг воочию увидел, что Вы ближе всех к нему — по содроганию строки, по цветной палитре красок, по песенности, по яркой зачинности, по аккордам» (л. 85—86).

⁷⁰ «Посылаю Вам 17 стихотворений и главу из поэмы „Дом“, — писал он 2 апреля 1949 г. — Там есть исправления по замечаниям Симонова,

вкус состоит не в восхищении строкой, а в соразмерности частей произведения, в плане его.⁷¹ Строка сама по себе, какая бы она не была, никогда меня не восхищала. Восхищает меня вещь. Я стремлюсь к тому, чтобы находить простой смысловой рисунок вещи, находя в нем драматизм вещи. Вот ведь песня „Ах, ты, ноченька“ — она имеет драматический рисунок: ночь коротать не с кем, матери нет, друга нет, есть милый, но и с ним нет лада. На драматизме и на жизненности интонаций построено мое стихотворение „Черное платье“ <...> Как вы не увидели драматизма „Ульяны“? Для меня единая концепция вещи, ее смысловой рисунок + жизненность ритма, стиха — главное <...> Есенинское „Утром в ржаном закуте“ написано не методом строки, а методом драматизма и смыслового образа, строки там слабые. Мне кажется, что у Вас как раз не хватает вот этого драматизма, вы слишком звените строкой; надо, по-моему, жир пускать не в строку, а <в> замысел, во весь план.

Меня Ваше хладнокровие к моим стихам сначала парализовало, а теперь собрало еще крепче. Не стиха я ищу, Александр, а какого-то русского краснобайского скоморошьего разговора на серьезные темы. Говорить с народом хочется его сокровенной, пословично-афористичной речью, той, что говорили свадебные дружки, карусельные или балконные деды, обеспечивавшие сбор денег на постановках иностранных трупп на ярмарках. Никто не шел на арлекина и паяца, чтобы поправить дело, на балкон выпускали русского деда или отставного солдата, и своей меткой, рифмованной речью, полной красоты, ума, смысла, он привлекал публику, а потом уходил. Одна из последних моих вещей как-то приближается к этой речи:

Вот он, Золото!
Жизнь наша, молодость,
Черный хлеб, белый хлеб,
Двадцать лет, тридцать лет,
Пятьдесят, шестьдесят,
Девяносто и сто —
Хоть бы что!»

(л. 33—34)

Здесь, таким образом, столкнулись два различных подхода к стиху, основанные отчасти и на несколько различных принципах использования фольклора в художественном творчестве.

Впрочем, это уже особая тема, выходящая за рамки данной работы.

но вы прочтете первый вариант, мой. Вещь вся лежит в «Новом мире», Симонов все обещает печатать, но ведь <...> приходится вставать в очередь» (л. 19). Сохранились в архиве и сами стихи, посланные В. Боковым Прокофьеву (см.: ИРЛИ, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 1162, л. 1—25). Упомянутая В. Боковым поэма в «Новом мире» опубликована не была.

⁷¹ «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и подобности» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. Л., 1978, т. VII, с. 38).